Н. Валентиновъ.

Э. МАХЪ
И
МАРКСИЗМЪ.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
„Сотрудникъ провинціи".
Москва, уг. Тверского бульв. и М. Бронной ул., д. № 1.

Типографія В. М. Саблина.
Москва, Петровка, д. Обидиной. Тел. 131-34.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Вмѣсто введенія. 1

II. Письмо къ Э. Маху 4

и отвѣтъ Э. Маха. 13

III. Э. Махъ и историческій матеріализмъ . . 19

IV. Теорія элементовъ-ощущеній и ея критики. . 35

Приложеніе 1-е.

Э. Махъ. Объ отношеніи физики къ психологіи (изъ „L'Année psychologique") 63

Приложеніе 2-е.

Ф. Адлеръ. Открытіе міровыхъ элементовъ. (По поводу 70-лѣтія рожденія Э. Маха) . . . 87

Примѣчанія переводчика 108

I. ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Вокругъ имени вѣнскаго философа Э. Маха у насъ возникла полемика. Соединимы ли марксизмъ и философія Э. Маха? Соединимы ли принципы научной соціологіи, называемой матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, съ философскими принципами критическаго реализма, въ той его формѣ, въ какой онъ выдвинутъ со стороны психологовъ — Р. Авенаріусомъ, а со стороны физиковъ — Э. Махомъ?

Странную форму приняло обсужденіе этого интереснаго и важнаго вопроса. Вмѣсто того, чтобы критически отнестись, изучить и понять взгляды Маха, являющагося, по справедливому указанію А. Богданова, „величайшимъ изъ нынѣшнихъ работниковъ философіи естествознанія“ и „самымъ крупнымъ въ настоящее время философомъ вообще“,— россійскіе „критики“ его (я, главнымъ образомъ, имѣю въ виду ортодоксовъ-матеріалистовъ) расправляются съ нимъ, поистинѣ, на рѣдкость негоднымъ способомъ. Они, прежде всего, безапелляціонно заявляютъ, что Махъ и Авенаріусъ—идеологи буржуазіи, ergo, побѣдоносно умозаключаютъ они, — взгляды ихъ несоединимы съ марксизмомъ. Впрочемъ, прибавляютъ они,—„марксизмъ можно соединить съ чѣмъ

угодно“, но помните, господа, что Энгельсъ еще въ такомъ-то году говорилъ объ „эклектической нищенской похлебкѣ“. По всей вѣроятности, смутно догадываясь, что подобная демагогія (указаніе на „буржуазность“) не можетъ служить убѣдительнымъ аргументомъ даже въ глазахъ ихъ „вѣрноподданныхъ“, они пытаются сразить эмпиріокритицизмъ (Авенаріуса и Маха) еще двумя трафаретными возраженіями, быть можетъ, бывшими убѣдительными при другихъ обстоятельствахъ, но въ данномъ случаѣ, по отношенію къ ученію Авенаріуса и Маха, никакой ровно силы не имѣющими. Эти возраженія сводятся къ слѣдующему: съ одной стороны, они желаютъ загипнотизировать своихъ учениковъ безконечнымъ и бездоказательнымъ повтореніемъ, что ученіе Маха приводитъ къ солипсизму, субъективному идеализму и абсолютному идеализму. Съ другой стороны, въ тѣсной связи съ этимъ обвиненіемъ, они „доказываютъ“, что если по Марксу — бытіе опредѣляетъ сознаніе, то по Маху какъ разъ обратное: сознаніе опредѣляетъ или даже, лучше сказать, производитъ бытіе.

Предлагаемая вниманію читателя брошюра ставитъ себѣ цѣлью разоблачить эти ложныя обвиненія. Эта цѣль, конечно, далеко не выполняетъ очередную задачу — систематическаго изложенія и примѣненія эмпиріокритицизма къ марксизму. Но въ настоящее время марксистамъ эмпиріокритикамъ приходится пробивать себѣ дорогу сквозь тяжелую и удушливую атмосферу ложныхъ обвиненій при томъ въ такой формѣ, которая дѣлаетъ понятнымъ критически-полемическій характеръ ихъ выступленій. Прежде, чѣмъ итти дальше, нужно опровергнуть эти обвиненія. Я былъ бы удовлетворенъ, если бы эта цѣль, отчасти хотя бы,

достигалась помѣщенными здѣсь „Письмомъ къ Маху“, статьями: „Э. Махъ и историческій матеріализмъ“, „Теорія элементовъ — ощущеній и ея критики“ и отвѣтнымъ письмомъ Маха, которое я опубликовываю съ его разрѣшенія. Я, разумѣется, далекъ отъ мысли, что съ помощью двухъ или трехъ популярныхъ статеекъ читатель полно познакомится съ воззрѣніями нашего философа. Но я все же полагаю, что нѣкоторое представленіе о нихъ даютъ сжатая статья самого Маха — „Sur le rapport de la physique avec la psychologie“ (изъ ежегодника A. Binet „L' Année psychologique“) и болѣе или менѣе популярная статья марксиста Ф. Адлера изъ вѣнскаго журнала „Der Kampf“ [1]). Вотъ почему я счелъ необходимымъ ихъ перевести и приложить къ настоящей брошюрѣ.

---

[1]) Считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе читателя на статью того же Ф. Адлера — „Діалектическій матеріализмъ и эмпиріокритицизмъ» («Ф. Энгельсъ и естествознаніе»), которая была напечатана въ «Die Neue Zeit» 1907 г. № 19. (органъ, редактир. К. Каутскимъ) и нынѣ, въ русскомъ переводѣ, вошла въ прекрасный сборникъ статей объ «Историческомъ матеріализмѣ» (Спб., 1908 г., изданіе «Общественной пользы», переводъ С. Бронштейна).

II. ПИСЬМО КЪ Э. МАХУ.

Въ предисловіи къ русскому изданію „Die Analyse der Empfindungen“ Вы, между прочимъ, отмѣчаете, что І. Дицгенъ, разумно пользуясь точкой зрѣнія Гегеля, пришелъ къ результатамъ, весьма сходнымъ съ тѣми, что излагаются Вами въ этой книгѣ. Такими общими пунктами я считаю: 1) ученіе Дицгена о міровой связи и взаимодѣйствіи элементовъ космоса; 2) взглядъ на познаніе какъ на актъ приспособленія, имѣющій своей задачей описаніе, систематизацію, помощью понятій символистическое изображеніе картины явленій; 3) ученіе Дицгена о причинности, чуждое элементовъ фетишизма, которыми традиціонная философія обильно награждала это понятіе. Для Дицгена, причина не производящій слѣдствія „божокъ“ (этотъ анимистическій взглядъ онъ совершенно отвергаетъ), а совокупность условій, общее выраженіе для совокупности предшествующаго; 4) взглядъ на матерію. Для него матерія не есть только совокупность вѣсомаго и осязаемаго. Онъ отрицаетъ этотъ взглядъ механическихъ матеріалистовъ и, подобно Вамъ, видитъ въ матеріи лишь символъ для констатаціи постоянныхъ отношеній внутри многообразнаго содержанія нашего опыта.

На этомъ основаніи онъ настаиваетъ, что въ

объемѣ понятія матеріи должно быть мѣсто краскамъ, свѣту, запаху, звуку, пространству, времени, теплотѣ и т. д. Какъ бы предугадывая, что многихъ смутитъ „dieser Generalisation des Wortes „Stoff“ (Dietzgens „Philosophische Schriften“, s. 138),— онъ говоритъ, что пусть тогда слово матерія замѣнятъ другимъ. Я не буду останавливаться на другихъ пунктахъ совпаденія Вашего ученія съ Дицгеновскимъ (критика „вещи въ себѣ“, понятіе субстанціи и т. д.). Хочу отмѣтить только, что Дицгенъ—неутомимый поборникъ правъ реализма и столь же неутомимый врагъ всякой метафизики, въ томъ числѣ и идеалистической, которая естественное міровоззрѣніе реализма заслоняетъ догмой, превращающей реальный міръ, міръ независимыхъ отъ насъ вещей, въ міръ фантазіи, въ созданіе Майи. Итакъ, результаты, къ которымъ приходитъ Дицгенъ и Вы — поразительно сходны. Подчеркивая это сходство, я въ то же время хочу указать на одно обстоятельство, вытекающее изъ этого согласія. На ученіе Дицгена, какъ извѣстно, и на что неоднократно указывалъ самъ Дицгенъ, рѣшающее вліяніе имѣло ученіе Маркса и Энгельса, основателей научной соціологіи. Было бы чрезвычайно интересно узнать — какъ относитесь Вы лично къ этому ученію. Для русскихъ этотъ вопросъ является тѣмъ болѣе интереснымъ, что среди насъ громадное большинство тѣхъ, что принимаютъ Ваши и Р. Авенаріуса взгляды, являются въ то же время сторонниками и ученія Маркса. Соединимы ли взгляды основоположниковъ научной соціологіи съ принципами Вашего ученія? По этому поводу въ нашихъ рядахъ идетъ оживленная теоретическая дискуссія. На нее лучше всего отвѣтить, вспомнивъ основные пункты соціологическаго ученія Маркса и Энгельса.

Марксъ и Энгельсъ утверждаютъ, что въ основѣ общественной жизни лежитъ производство. Чтобы жить, общество, какъ опредѣленная форма жизни, должно приспосабливаться къ природѣ, покорять ее и производить необходимые обществу продукты. Въ этой борьбѣ съ природой люди становятся по отношенію другъ къ другу въ опредѣленныя производственныя отношенія, которыя, подъ развитіемъ техники и степени покоренія человѣкомъ силъ природы, исторически мѣняются. Достаточно вспомнить, какія измѣненія претерпѣли эти производственныя отношенія отъ первобытнаго коммунистическаго общества до нашихъ дней господства капиталистическихъ отношеній, господства пара и электричества и высочайшаго развитія техники.

Сумма производственныхъ отношеній составляетъ, фигурально говоря, экономическую базу общества, на которой, по мнѣнію Маркса и Энгельса, возвышается та или иная надстройка правовыхъ, научныхъ, религіозныхъ, нравственныхъ и философскихъ взглядовъ. Не сознаніе, т.-е. не совокупность этихъ взглядовъ, опредѣляетъ общественное бытіе, а—учитъ Марксъ—бытіе опредѣляетъ сознаніе. Не философскіе и идеологическіе взгляды рождаютъ и творятъ бытіе, какъ то утверждаютъ идеалисты-метафизики, а наоборотъ, идеологическіе взгляды, наука и идеи общества представляютъ собою результатъ приспособленія мыслей къ жизненному опыту, въ основѣ котораго, прежде всего, лежатъ отношеніе къ природѣ, соціальный процессъ хозяйственной жизни. Такимъ образомъ, по Марксу, съ генетической точки зрѣнія, п е р в и ч н ы м и являются не тѣ или иныя формы идеологическихъ взглядовъ общества, а опредѣленныя формы соціально-экономическаго процесса. Въ

зависимости отъ измѣненія формъ этого процесса мѣняются и идейныя надстройки, какъ результаты приспособленія мыслей къ измѣнившимся условіямъ, окружающимъ общественнаго человѣка. Съ этой теоріей въ высокой степени гармонируютъ взгляды, развитые Авенаріусомъ въ его „Kritik der reinen Erfahrung“. Въ самомъ дѣлѣ: Марксъ констатируетъ дѣленіе общества на классы, на группы, въ зависимости отъ различія экономическихъ отношеній людей, въ зависимости отъ различія отношеній людей въ процессѣ производства. На почвѣ этихъ отношеній возникаютъ различія во взглядахъ, идеяхъ, вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ, вообще говоря, въ тѣхъ познавательныхъ формахъ, которыми люди организуютъ элементарный матеріалъ ихъ повседневнаго опыта. Но марксизмъ, опредѣляя эту зависимость, имѣетъ дѣло съ предметомъ въ предѣлахъ лишь соціологической, общей постановки вопроса.

У Авенаріуса, исходящаго изъ однородныхъ съ Марксомъ принциповъ, мы, наоборотъ, находимъ интересъ къ „внутренней“ — психофизіологической сторонѣ указаннаго процеса. Его ученіе о „Vitaldifferenzen“ и „Vitalreihen“ обрисовываетъ намъ, какъ изъ низшихъ рядовъ нервной системы, и на почвѣ ихъ, вырастаютъ ряды высшаго порядка, съ которыми связываются содержанія сознательной жизни. Авенаріусъ даетъ картину біомеханики образованія высшихъ формъ сознательной жизни, и этотъ процессъ въ своей „Kritik der reinen Erfahrung“ онъ дополняетъ главой „Die Systeme C höherer Ordnung“, въ которой изображаетъ, говоря словами Маркса, какъ общественное бытіе опредѣляетъ и обусловливаетъ содержаніе тѣхъ или иныхъ формъ сознанія.

Уже апріори, исходя изъ Вашего согласія съ

Авенаріусомъ, можно было бы заключить, что и Вы, въ свою очередь, очень недалеки отъ взглядовъ Маркса и Энгельса. И, дѣйствительно, знакомствомъ съ Вашими произведеніями обнаруживается эта близость. Такъ же, какъ и они, Вы разсматриваете познаніе, какъ біологическое явленіе, зачатки и корни котораго, какъ Вы писали (въ предисловіи къ первому русскому изданію Вашихъ этюдовъ по теоріи познанія), можно прослѣдить до простѣйшихъ экономическихъ побужденій и инстинктовъ людей и даже животныхъ.

Въ „Erkenntniss und Irrtum“ Вы прямо ставите искусство и науку въ тѣсную связь съ развитіемъ общественнаго хозяйства. Тѣ же мысли находимъ мы и въ „Prinzipien der Wärmelehre“ и въ „Populärwissenschaftliche Vorlesungen“. Здѣсь всюду подчеркивается возникновеніе науки изъ потребностей практической жизни, изъ техники; всюду устанавливается связь познанія съ общественнымъ бытіемъ и вліяніе послѣдняго на направленія познанія. Въ представленіяхъ и понятіяхъ индивида Вы видите не продукты стремленія къ познанію, какъ самоцѣли, а продукты, выработанные стремленіемъ индивида приспособиться къ условіямъ жизни. Первыя свѣдѣнія о природѣ человѣкъ пріобрѣтаетъ полусознательно, непроизвольно: онъ инстинктивно отражаетъ факты въ мысляхъ и, говорите Вы, прежде всего, руководствуется своей матеріальной выгодой. Наука, по Вашему мнѣнію, начинаетъ развиваться значительно позднѣе: лишь въ обществѣ и, въ особенности, въ эпоху расцвѣта ремеслъ. Такимъ образомъ, здѣсь выдвигается зависимость развитія познанія отъ опредѣленныхъ общественно-экономическихъ формъ. Эта мысль, какъ извѣстно, — одна изъ основныхъ мыслей соціальной философіи Маркса.

Въ „Wärmelehre“ Вы, возвращаясь къ этому пункту, снова подчеркиваете, что наука не стоитъ изолированно отъ повседневной жизни и окрашивается взглядами послѣдней. Еще болѣе выпукло Вы намѣчаете зависимость идеологическихъ формъ жизни отъ формъ соціально-экономическихъ, когда объясняете развитіе языка. Развитіе языка, пишете Вы, находится въ тѣсной связи съ хозяйственной дѣятельностью въ обществѣ: по мѣрѣ усовершенствованія въ области хозяйства подвигается впередъ и развитіе языка. (Wärmelehre, „Die Sprache“). Наконецъ, на познаніе Вы смотрите, какъ на соціальный процессъ, какъ на процессъ сотрудничества людей въ дѣлѣ покоренія природы. Результаты этого процесса оказываются находящимися въ прямой зависимости отъ развитія общества: лишь послѣднее создало возможность образованія „хозяйства науки“, какъ опыта коллективности. Было бы не трудно и дальше продолжить параллель между Вашими взглядами и взглядами Маркса.

Достаточно и указаннаго. Скажу лишь, что и Вы и Марксъ одинаково исходите изъ принциповъ ученія Дарвина и смотрите на познаніе, какъ на явленіе біологическое: психическое развитіе есть явленіе приспособленія. Но Марксъ, подходя съ этими біологическими посылками къ изученію исторіи, постарался конкретизировать и освѣтить ихъ законами соціологическими, законами общественной жизни. Изучая общество, какъ опредѣленную форму жизни, онъ нашелъ, что характеръ того или иного общества, его внутреннихъ отношеній и вообще степень его развитія обусловливаются отношеніемъ его къ природѣ, а это, въ свою очередь, обусловлено тѣми или иными свойствами географической среды и имѣющимися

въ распоряженіи общества орудіями производства. Въ зависимости отъ орудій производства измѣняются и отношенія людей, а въ зависимости отъ измѣненія этихъ производственныхъ отношеній мѣняется тѣсно связанная и выросшая на ихъ основѣ „идеологическая“ надстройка, т.-е. сумма высшихъ познавательныхъ формъ, какими являются право, мораль, искусство, наука, философія, религія.

Такимъ образомъ, Марксу удалось изобразить жизнь общества, пользуясь естественно-научнымъ методомъ, и, исходя изъ непосредственныхъ отношеній общества къ природѣ, указать, какъ возникаетъ „искусственная“ соціальная среда и чѣмъ обусловлены происходящіе въ ней различные процессы. Въ Вашихъ работахъ я не нашелъ указаній на ученіе Маркса и Энгельса. Очень вѣроятно, что ученіе послѣднихъ Вамъ осталось неизвѣстнымъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что область Вашей спеціальности весьма далека отъ области соціологическихъ и политико-экономическихъ вопросовъ, въ которой, главнымъ образомъ, работали Марксъ и Энгельсъ. Тѣмъ знаменательнѣе, тѣмъ интереснѣе тогда отмѣчаемое совпаденіе взглядовъ Маркса и Вашихъ. Это показываетъ, что есть, дѣйствительно, одно общее движеніе научной мысли къ опредѣленнымъ принципамъ. И мы, русскіе эмпиріокритики, отмѣчая это общее движеніе, съ радостью говоримъ: принципы реалистической философіи Маха совпадаютъ съ основными пунктами соціологической концепціи Маркса. Дополненіе однихъ другими даетъ чрезвычайно много въ дѣлѣ построенія стройнаго и выдержаннаго жизне-и міропониманія.

Иное утверждаютъ Ваши противники въ Россіи.

Они стремятся доказать, что взгляды Маха и Авенаріуса представляютъ собою лишь непослѣдовательный субъективный идеализмъ и якобы неизбѣжно приводятъ въ тупикъ солипсизма. По ихъ мнѣнію, Вы отрицаете существованіе міра независимыхъ отъ насъ вещей: особенно страшитъ ихъ мысль, что тѣла вообще лишь символы нашихъ ощущеній. Это солипсизмъ, говорятъ они, и послѣ такихъ необоснованныхъ утвержденій, они уже съ легкимъ сердцемъ выводятъ, что Ваши взгляды не могутъ ужиться съ научной реалистической концепціей Маркса. Ваши русскіе ученики, по мѣрѣ имѣющейся у нихъ возможности, стремились опровергнуть подобныя лжеутвержденія. Слово за Вами, уважаемый г. Махъ. Я полагаю, что Вы не оставите безъ отвѣта мои вопросы и хотя бы краткимъ объясненіемъ внесете въ нихъ ясность.

Къ этому я позволилъ бы себѣ прибавить слѣдующее замѣчаніе.

Въ одномъ изъ примѣчаній „Analyse der Empfindungen“ Вы отмѣчаете, какъ трудно при современныхъ соціальныхъ условіяхъ осуществить стремленіе къ чистому научному познанію. Вопросы науки, пишете Вы, часто разрѣшаются подъ вліяніемъ соображеній матеріальнаго свойства; отсюда обычные, но печальные пріемы отношенія однихъ изслѣдователей къ другимъ: хитроумное использованіе неудачныхъ мѣстъ, замалчиваніе другихъ, искаженія и т. д. Въ этомъ отношеніи особенно неблагопріятное положеніе до сихъ поръ занимала соціологическая теорія Маркса. И ея неблагопріятное положеніе еще болѣе усиливалось враждебнымъ отношеніемъ критиковъ къ Марксу, какъ соціалисту, какъ стойкому, непреклонному защитнику интересовъ угнетенной трудящейся массы.

Само собою разумѣется, что критика, которая смотритъ на ученіе Маркса сквозь призму предвзятой антипатіи, никогда не сможетъ разобраться въ объективной цѣнности этого ученія, которое хотя и формулировано соціалистомъ, но изо дня въ день подтверждается рядомъ научныхъ изслѣдователей, никакого отношенія къ соціализму не имѣющихъ.

Точки соприкосновенія между Дицгеномъ и мною, отмѣчаемыя Вами пунктомъ первымъ и вторымъ письма, мнѣ кажутся правильными. Почти соглашаюсь я и съ пунктомъ третьимъ, но я полагаю нужнымъ освободить понятіе причинности отъ отношенія къ пространству и времени и, такимъ образомъ, устранить это понятіе, предлагая вмѣсто этого говорить только о зависимости элементовъ другъ отъ друга. Этимъ самымъ исчерпывается для меня и пунктъ четвертый.

Со всякимъ метафизическимъ воззрѣніемъ я покончилъ еще очень рано; яснѣе всего это выражено въ моемъ рефератѣ въ 1871 году.

Дицгена я знаю вообще не болѣе двухъ лѣтъ и познакомился съ нимъ, благодаря д-ру Ф. Адлеру.

Имена Маркса и Энгельса мнѣ, конечно, были извѣстны, но я думалъ найти у нихъ только соціологическія данныя, а эта область осталась совершенно чуждой моему изученію. Тѣмъ не менѣе, я всегда съ симпатіей и сердечнымъ участіемъ слѣдилъ за соціаль-демократическимъ движеніемъ („desungeachtet folgte ich der sozial-demokratichen Entwicklung stets mit Sympathie und mit dem Herzen“) и для меня, само собою, было понятно, что правильная теорія познанія, которая для меня

имѣла особое значеніе, не должна противорѣчить принципамъ соціологіи. По этому самому я въ своихъ докладахъ, читанныхъ въ 66 и 68 годахъ, разсматривалъ экономическую природу науки, какъ спеціальный случай общей экономіи, а развитіе научнаго мышленія — какъ спеціальный случай общей біологической эволюціи. А что сознаніе въ біологическомъ развитіи появляется сравнительно позже, въ этомъ теперь болѣе не сомнѣвается ни одинъ человѣкъ.

Съ Авенаріусомъ я познакомился незадолго до изданія моей механики (въ 1883 г.) совершенно случайно, благодаря одной корреспонденціи; прочтя послѣ этого его сочиненіе: „Философія, какъ мышленіе о мірѣ, сообразно принципу наименьшей мѣры силъ“, я могъ уже въ моемъ предисловіи къ механикѣ отмѣтить совпаденіе нашихъ взглядовъ на экономію мышленія.

Наука, конечно, вытекаетъ изъ общей экономической тенденціи жизни, что, разумѣется, не исключаетъ того, что для особыхъ профессій она становится особой задачей, самоцѣлью, подобно тому, какъ для сапожника его ремесло.

Этимъ самымъ, я полагаю, отвѣчаю на ваши вопросы — далеки ли отъ меня области соціально-экономическаго изслѣдованія и знакомо ли мнѣ ученіе Маркса и Энгельса. Я, дѣйствительно, не изучалъ эту область, и то, что говорилось мною по этому вопросу, явилось у меня какъ результатъ простѣйшихъ наблюденій надъ самимъ собою и окружающими меня людьми.

Что же касается того, что нѣкоторые представители соціалистическаго ученія обвиняютъ меня въ солипсизмѣ, идеализмѣ, въ отрицаніи внѣшняго міра и т. п., то это тѣмъ менѣе меня удивляетъ, что это склонны приписывать мнѣ и спеціалисты-

философы. И время отъ времени я получаю различныя письма, которыя вынуждаютъ меня защищаться отъ подобныхъ, мнѣ приписываемыхъ, вещей. Въ высокой степени странно, что въ моихъ произведеніяхъ, вопреки всѣмъ яснымъ предупрежденіямъ, скорѣе вычитываютъ разный уже отставленный ученый вздоръ, вмѣсто того, чтобы присмотрѣться къ простымъ, не возбуждающимъ недоразумѣнія выводамъ.

Отвѣтя такимъ образомъ на Ваше письмо, я хочу Вамъ разсказать, какъ пришелъ я къ моимъ взглядамъ, хотя объ этомъ я уже много говорилъ въ предисловіи къ своимъ научнымъ работамъ, въ особенности въ предисловіи къ русскому изданію „Analyse“ и въ статьѣ въ психологическомъ ежегодникѣ Бинэ [1]).

Я выросъ въ деревнѣ и, занимаясь столярнымъ мастерствомъ и работами въ полѣ, одновременно занимался гимназическими науками подъ руководствомъ моего отца, добраго филолога и историка, не имѣвшаго большихъ естественно-научныхъ познаній, но питавшаго большую любовь къ природѣ.

Въ гимназіи я провелъ три послѣдніе года, 6—8 классы, и, во время первыхъ каникулъ, въ библіотекѣ моего отца нашелъ „Пролегомены“ Канта, которыя произвели на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Мысли Канта не оставляли меня въ покоѣ. „Вещь въ себѣ“ такъ подавляюще импонировала моей наивности, что я не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что это лишь праздное предположеніе. Но во время занятій физикой въ университетѣ, благодаря атомамъ и молеку-

---

[1]) Ниже помѣщенъ переводъ этой статьи. Н. В.

ламъ, этотъ призракъ какъ будто бы опять сталъ получать почву.

По окончаніи университета я спеціализировался по физикѣ, но, на несчастье или счастье, я былъ лишенъ возможности производить собственные серьезные физическіе эксперименты. Тогда я началъ экспериментировать надъ органами чувствъ и пришелъ такимъ образомъ къ изслѣдованіямъ физіологіи чувствъ, которыя прикрѣпили меня къ теоріи познанія. Благодаря преподавательскому опыту и одной написанной мною книжкѣ по физикѣ, мнѣ выяснился принципъ экономіи мышленія. Лекціи по психофизикѣ Фехнера, въ продолженіе которыхъ я принужденъ былъ разсматривать атомы, какъ души (подобно Авенаріусу въ 1876 г.), привели меня къ такому рѣзкому конфликту между наивнымъ міровоззрѣніемъ съ одной стороны, метафизическими взглядами Канта, Гербарта и атомистической физики съ другой, что я скоро прикончилъ со всякой метафизикой и возвратился къ наивному естественному міровоззрѣнію. Опытъ, пріобрѣтенный при этихъ тяжелыхъ потрясеніяхъ, огородилъ меня, съ одной стороны, отъ возврата къ метафизикѣ, съ другой стороны, обезпечилъ мнѣ критическое отношеніе къ обыденнымъ и психо-физіологическимъ опытамъ.

Психо-физіологическое изслѣдованіе ощущеній научило меня разлагать ихъ на послѣднія, доселѣ еще неразложимыя элементарныя ощущенія и открыло мнѣ ошибку, которая лежитъ въ принятіи чувственной видимости, противопоставленной отличной отъ нея дѣйствительности. Ядро выяснившагося естественнаго пониманія заключается въ слѣдующемъ.

Въ опытѣ мы находимъ не только насъ окружающую среду, но и наше тѣло, насъ самихъ.

Части среды зависятъ другъ отъ друга, но также и отъ составныхъ частей нашего тѣла. Если мы разложимъ все данное на послѣдніе элементы, то эти элементы являются физическими, если мы ихъ беремъ внѣ зависимости отъ нашего тѣла; поскольку же мы ихъ разсматриваемъ въ этой связи, то постольку, и только постольку, они являются ощущеніями. Многіе критики понимаютъ „элементы“ въ послѣднемъ смыслѣ, т.-е. только какъ ощущенія, а такъ какъ ощущенія,—а они прежде всего думаютъ объ ощущеніяхъ *другихъ* людей, имъ недоступны и непосредственно не даны, то на этомъ основаніи они готовы считать меня за идеалистическаго фантазера („für einen idealistischen Phantasten“). Они упускаютъ изъ виду, что въ этихъ элементахъ и въ зависимости составныхъ частей другъ отъ друга и заключается общій для всѣхъ людей „внѣшній міръ“ (Aussenwelt). Больше того, чему насъ учатъ чувственныя воспріятія и ихъ взаимозависимость, мы о мірѣ знать не можемъ, да и, по правдѣ сказать, чего же намъ нужно еще? Это, быть можетъ, трудно понять во всей чистотѣ, но гдѣ же тутъ фантазерство (Phantasterei)? Молодые люди, свободные отъ предразсудковъ, это прекрасно понимаютъ, философамъ же это дается значительно тяжелѣе.

Достойно вниманія и то, что люди, которые думаютъ понять міръ, сводя психическое къ матеріальному, — начинаютъ немедленно запутываться, какъ только дѣлаютъ противоположную попытку. Словно въ обоихъ случаяхъ А и В не признаны однородными, сводимъ ли А на В, или В на А. Здѣсь, повидимому, дѣйствуетъ слѣдующее соображеніе: А (матеріальное — Н. В.) доступно, В (психическое — Н. В.) въ особенности В другихъ людей — недоступно. На дѣлѣ же мы имѣемъ слѣ-

дующее: матерія и душа, сознаніе, слишкомъ сложны, чтобы сводить одно на другое. Чтобы были возможны оба эти сведенія, нужно итти къ основнымъ элементамъ. Знаемъ ли мы ихъ уже? Я думаю—нѣтъ, но надѣюсь, что они будутъ найдены психофизіологическими изслѣдованіями.

Всѣ мои работы имѣютъ, главнымъ образомъ, научно-естественный характеръ, покоясь на изслѣдованіи конкретныхъ величинъ. Поэтому, сравненіе ихъ съ работами Авенаріуса не такъ легко. Но по содержанію онѣ соотвѣтствуютъ другъ другу приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ:

(Mach). Erhaltung der Arbeit (1872) (Avenarius). Philosophie als Denken der Welt (1876 г.).
Bewegungsempfindungen (1875) Kritik der reinen Erfahrung
Analyse d. Empfindungen (1886) Der menschliche Weltbegriff.

Въ научномъ движеніи, которое выразилось въ этихъ работахъ, принималъ участіе цѣлый рядъ людей. Реакція противъ старой философіи носится въ воздухѣ, и она пробьется, несмотря на сильное противодѣйствіе. Впрочемъ, что противодѣйствіе начинаетъ смягчаться, это я особенно чувствую въ спеціальной области физики.

Я думаю, что тотъ, кто хочетъ правильно оцѣнить мои разсужденія, тотъ долженъ представить себѣ не ученаго философа, а просто физика, который ищетъ точки зрѣнія, выходящей за предѣлы спеціальности.

III. Э. МАХЪ И ИСТОРИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ.

Основной пунктъ матеріалистической соціологіи Маркса и Энгельса формулированъ въ слѣдующихъ словахъ въ извѣстномъ предисловіи къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“: „Не сознаніе опредѣляетъ формы общественнаго бытія, но, наоборотъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы сознанія“. Это научное положеніе выдержало, поистинѣ, блестящій экзаменъ предъ лицомъ конкретнаго историческаго матеріала, дало возможность его систематизировать, уложить въ ясныя познавательныя формы, указать генезисъ ряда идеологическихъ образованій, прослѣдить и закономѣрность ихъ развитія и связи. Если бы философія Э. Маха противорѣчила этому испытанному и провѣренному безчисленнымъ множествомъ фактовъ соціологическому обобщенію, то это яснѣе яснаго указывало бы, что она страдаетъ въ своемъ существѣ какими-то органическими дефектами и потому, какъ концепція противорѣчивая, не можетъ быть принята, ни тѣмъ болѣе согласована съ марксистской соціологіей. Наши критики Маха несомнѣнно были бы правы въ томъ случаѣ, если бы, настаивая на неправильности его взглядовъ, смогли доказать это противорѣчіе. Прекрасно

понимаетъ важность соціологическихъ принциповъ и самъ Махъ; не даромъ же онъ указываетъ, что для него „само собою понятно“, что правильная теорія познанія („eine richtige Erkenntnistheorie“) „*не должна противорѣчить принципамъ соціологіи*“. Въ письмѣ къ Маху я старался показать, что его взгляды не противорѣчатъ взглядамъ марксизма, а совпадаютъ съ ними. Заявляя, что онъ разсматриваетъ „экономическую природу науки, какъ спеціальный случай общей экономіи“, и что, по его мнѣнію, „наука, конечно, вытекаетъ изъ общей экономической тенденціи жизни“, — Махъ лишь подтверждаетъ это положеніе, хотя и указываетъ, что ему извѣстны только *имена* Маркса и Энгельса и что собственно область соціологіи осталась чуждой его изученію.

Незнакомство Маха съ работами Маркса и Энгельса, разумѣется, не отнимаетъ силу этого совпаденія, наоборотъ, оно дѣлается, благодаря этому, еще болѣе знаменательнымъ и лишній разъ показываетъ, что *научные* принципы вообще, принципы различныхъ дѣйствительно *научныхъ* дисциплинъ не могутъ противорѣчить другъ другу, но только согласоваться, быть другъ съ другомъ въ гармоническомъ контактѣ. Это мы видимъ и въ данномъ случаѣ. Но въ вышеприведенномъ письмѣ къ Маху факты, обнаруживающіе это совпаденіе, указаны лишь въ общихъ, бѣглыхъ чертахъ. Чтобы *понять* и увидѣть близость метода изслѣдованія Маха къ методу изслѣдованія марксизма, нужно ознакомиться съ такими основными работами Маха, какъ „Mechanik“, „Analyse der Empfindungen“, „Populärwissenschaftliche Vorlesungen“, „Die Prinzipien der Wärmelehre“ и, наконецъ, съ сжатымъ изложеніемъ его общаго міровоззрѣнія — въ „Erkenntnis und Irrtum“. Отмѣтимъ въ нѣкоторыхъ

изъ этихъ работъ рядъ мѣстъ, особенно ясно подтверждающихъ эту близость.

„Цѣлью всей естественно-научной работы, читаемъ мы въ „Анализѣ ощущеній“ является приспособленіе нашихъ мыслей къ фактамъ дѣйствительности“. („Анализъ ощущеній“, изданіе Скирмунта, стр. 253). „Наука здѣсь только продолжаетъ намѣренно и сознательно то, что въ повседневной жизни происходитъ незамѣтно само собою“ (стр. 254). „Значительная часть процесса приспособленія мыслей происходитъ безсознательно и непроизвольно, въ зависимости отъ чувственныхъ фактовъ“ (стр. 256). „Наша психическая жизнь, поскольку мы подъ ней подразумѣваемъ наши представленія, довольно независима, какъ будто бы, отъ процессовъ физическихъ, представляя, такъ сказать, міръ въ себѣ съ своими болѣе свободными законами, законами другого порядка. Нѣтъ, однако, никакого сомнѣнія, что это — одна иллюзія“ (стр. 272). „Свойства окружающей насъ среды обусловливаютъ наше существованіе и мышленіе“ (стр. 281). Послѣдняя формулировка, какъ видимъ, прямо, буквально совпадаетъ съ вышеуказаннымъ основнымъ положеніемъ историческаго матеріализма. Пойдемъ далѣе.

Въ „Prinzipien der Wärmelehre“ читаемъ, что „наука никогда не стоитъ изолированной отъ повседневной жизни; она—цвѣтъ ея и проникнута воззрѣніями послѣдней“ (s. 371).

„Наука стоитъ въ срединѣ естественнаго процесса развитія, который она можетъ цѣлесообразно направлять и ускорять, но котораго она не можетъ замѣнить“ (s. 387). Эта мысль также вполнѣ гармонируетъ съ мыслью Маркса, указывающаго въ предисловіи къ 1-му изданію „Капитала“ на тотъ

фактъ, что общество, открывъ естественный законъ своего движенія, „не можетъ перескочить естественныхъ фазъ своего развитія“, а только „можетъ сократить и уменьшить муки родовъ“. Развитіе языка, далѣе, Махъ ставитъ въ тѣсную зависимость съ хозяйственной дѣятельностью въ обществѣ („An die Thätigkeiten der gemeinsamen Wirthschaft knüpft also die Sprachentwicklung an“ s. 412), съ которой онъ связываетъ вообще всѣ высшія содержанія познанія, ибо полагаетъ, что „высшая біологическая ступень, какую представляетъ собою научное мышленіе, покоится на низшей, которая не можетъ быть устранена“ (s. 429).

Чрезвычайно интересныя мѣста мы находимъ въ „Erkenntnis und Irrtum“, которыя, мнѣ думается, характеризируютъ достаточно полно, съ одной стороны, общія соціологическія воззрѣнія, съ другой — соціальныя симпатіи Маха.

„Человѣкъ учится пользоваться работой животныхъ для своихъ цѣлей и чрезъ это чрезвычайно увеличиваетъ свою силу. Въ ассоціаціи онъ получаетъ доказательство высокой цѣнности человѣческой работы. Это ведетъ къ тому, что военно-плѣнные не убиваются, а принуждаются къ работѣ. Здѣсь получаетъ свое происхожденіе рабство, которое образуетъ основу античной культуры (einen Grundpfeiler der antiken Kultur) и которое въ различныхъ формахъ имѣетъ свою силу и въ новое время. Въ Европѣ и Америкѣ рабство уже отмѣнено по имени и по формѣ, но осталась сущность вещей, использованіе многихъ людей немногими“ (ss. 76—77). Далѣе Махъ излагаетъ успѣхи техники и прогрессъ утилизаціи силъ „неодушевленной“ природы. Въ 1878 г. Англія, говоритъ онъ, располагала паровыми машинами, въ общей массѣ своей равными $4^1/_2$ милліонамъ лошадиныхъ

силъ, соотвѣтствовавшихъ рабочей силѣ 100 милліоновъ людей. Слѣдовательно, въ нѣсколько разъ увеличенное населеніе Англіи не могло бы выполнить эту работу. Если же взять всѣ индустріальныя машины Англіи, хотя бы даже въ 1860 г., то онѣ въ общей массѣ производили работу 1200 милліоновъ работниковъ (Махъ цитируетъ Bourdeau—Les Forces de l'industrie), т.-е. такую работу, какой не могло бы произвести все населеніе земли.

„Нужно было бы думать,—продолжаетъ Махъ,—что при такомъ увеличеніи рабочихъ силъ работающая часть человѣчества, которой остается обслуживаніе машинъ, должна бы сдѣлаться значительно освобожденной". Но это отнюдь не такъ, если къ этому присмотрѣться ближе. Работа остается столь же изнуряющей, какъ и раньше. Колоссальное примѣненіе машинъ пошло не „для облегченія содержанія людей, а въ значительно большей степени для удовлетворенія потребностей въ роскоши господствующей части человѣчества („des herrschenden Teiles der Menschheit")".

Симпатіи Маха на сторонѣ „работающей части" человѣчества, вотъ почему его совершенно не страшитъ „dass einmal dieser Teil der Menschen in richtiger Erkenntniss der Verhältnisse gegen den herrschenden Teil Front macht und eine billigere, zweckmäszige Verwendung des gemeinsamen Besitzes fordert" (s. 78).

Если къ этому прибавить то, что читатель могъ уже прочесть въ отвѣтномъ письмѣ Маха, т.-е. ясное и недвусмысленное выраженіе его соціальныхъ симпатій, то онъ пойметъ, что на сторонѣ нашихъ ортодоксовъ полное право изображать Маха настоящимъ „лютымъ" идеологомъ буржуазіи, видѣть въ его воззрѣніяхъ оправданіе эксплуата-

ціи, вообще — „идеологическій туманъ, окутывающій практическія стремленія буржуазіи“ (см. статью А. Деборина: „Философія Маха и русская революція“). Но это, допустимъ, чисто „субъективныя настроенія“ этого „идеолога буржуазіи“; обратимся къ объективной сути его воззрѣній. Указавъ на соціальный корень происхожденія языка и письменности, Махъ говоритъ:

„Языкъ и письменность, являясь продуктами соціальной культуры, усиленно воздѣйствуютъ на нее обратно. Легко себѣ представить, что человѣческая жизнь не отличалась бы существенно отъ жизни животной, если бы не происходило никакого сообщенія опытовъ отъ индивидуума къ индивидууму; каждый индивидуумъ долженъ былъ бы начинать сначала и оставаться ограниченнымъ своимъ собственнымъ опытомъ. Состояніе первобытности не было бы превзойдено, если бы прямыя сообщенія не простирались далѣе предѣловъ времени одной человѣческой жизни. Частичное матеріальное освобожденіе отдѣльнаго человѣка обществомъ и умственное подкрѣпленіе послѣдняго сообщеніями современниковъ и предшественниковъ сдѣлали возможнымъ возникновеніе того продукта соціальной жизни (jenes Productes des sozialen Lebens), который мы называемъ наукой. Дикарь обладаетъ многообразнымъ опытомъ. Онъ знаетъ ядовитыя и съѣдобныя растенія, преслѣдуетъ по слѣдамъ животныхъ для охоты и знаетъ, какъ охранить себя отъ хищныхъ звѣрей и ядовитыхъ змѣй. Онъ умѣетъ пользоваться для своихъ цѣлей огнемъ и водою, выбирать камни и дерево для своего оружія и учится расплавлять и обрабатывать металлы. Онъ учится считать и вычислять по своимъ пальцамъ и измѣрять съ помощью своихъ рукъ и ногъ. Онъ смотритъ, какъ дитя, на небесный сводъ, наблюдаетъ его движеніе и измѣненіе

положенія на немъ солнца и планетъ. При всѣхъ или при большей части своихъ наблюденій онъ пользуется случаемъ или стремится къ цѣли сдѣлать изъ нихъ полезное для себя употребленіе. Эти примитивные опыты образуютъ зародыши различныхъ наукъ. Сама же наука можетъ появиться тогда, когда чрезъ матеріальное освобожденіе пріобрѣтаетъ достаточно свободы и досуга и когда, съ другой стороны, самъ интеллектъ, благодаря частымъ пользованіямъ, настолько окрѣпъ, что пріобрѣтаетъ должный интересъ наблюденіе само по себѣ, безъ отношенія къ его употребленію. Только тогда собираются, приводятся въ порядокъ, провѣряются наблюденія современниковъ и предшественниковъ, выключаются допущенныя при случайныхъ обстоятельствахъ ошибки и закрѣпляется связь прочно установленнаго... Историческое разсмотрѣніе образованія науки путемъ собиранія и приведенія въ порядокъ примитивныхъ опытовъ составляетъ предметъ увлекательнаго и доставляющаго удовольствіе изученія. Нѣкоторыя области науки, какъ, напр., механика, ученіе о теплотѣ и др., въ этомъ отношеніи особенно поучительны, такъ какъ въ нихъ особенно ясно выступаетъ выростаніе науки изъ ремесла и промышленности („weil in denselben das Emporwachsen der Wissenschaft aus dem Handwerk, aus dem Gewerbe besonders deutlich hervortritt“. Махъ ссылается при этомъ на свои изслѣдованіи въ „Mechanik“ и „Prinzipien der Wärmelehre“). Здѣсь можно увидѣть, какъ матеріальная, техническая потребность („materielle, das technische Bedurfnis“), бывшая первоначально побуждающей („des Treibende“), очень постепенно даетъ мѣсто чисто интеллектуальному интересу. Интеллектуальное господство надъ какой-нибудь областью дѣйствительности воздѣйствуетъ на инстинктивную технику, изъ которой оно возникаетъ и превращаетъ ее въ цѣлесообразную научную технику, которая не

руководствуется болѣе случайными опытами, а свободно и планомѣрно идетъ къ выполненію своихъ задачъ. Такъ, находятся въ постоянномъ соприкосновеніи теоретическій интересъ и практическая мысль, научный и техническій опытъ и взаимно ускоряютъ другъ друга".

Всякій безпристрастный читатель можетъ ясно убѣдиться, что приведенные взгляды Маха на развитіе языка, письменности, науки прямо совпадаютъ съ воззрѣніями историческаго матеріализма. Также, какъ послѣдній, Махъ въ своемъ анализѣ фактовъ исходитъ изъ матеріальной, технической потребности, которую онъ считаетъ побуждающей, основной. Вотъ почему онъ въ „Populärwissenschaftliche Vorlesungen" (глава „Ueber den Einfluss zufälliger Umstände ect") рѣшительно отвергаетъ предположеніе, что языкъ, письменность, деньги и вообще большинство изобрѣтеній, относящихся къ началу культурной жизни, являются „плодомъ сознательной дѣятельности мышленія". Ихъ значеніе, ихъ цѣнность, по его мнѣнію, человѣкъ получилъ въ практикѣ своего хозяйственнаго процесса. Всего этого не знаютъ наши критикующіе во имя Маркса ортодоксы, и чрезвычайно характерно, что г. Плехановъ, перечисляя (см. его брошюру „Основные вопросы марксизма") всѣхъ, кто такъ или иначе своими изслѣдованіями подтверждаетъ точку зрѣнія историческаго матеріализма, ни слова не упоминаетъ о Махѣ. Г. Плехановъ, напр., указываетъ на Л. Нуаре, который писалъ, что „языкъ и жизнь разума вытекли изъ совмѣстной дѣятельности, направленной къ достиженію цѣли". Махъ, прекрасно знакомый и часто (такъ же, какъ и Авенаріусъ) указывающій на теорію Нуаре, придалъ его взглядамъ болѣе точную, болѣе соотвѣтствующую марксистскимъ положе-

ніямъ форму, но г. Плехановъ объ этомъ ни слова!.. [1]).

Совершенно въ духѣ марксизма Махъ относится и къ генезису искусства. „Искусство, такъ же, какъ и наука, есть побочный продуктъ (ein Nebenprodukt), который появляется при удовлетвореніи потребностей". (Erkenntnis und Irrtum, s. 83). Махъ ссылается, что въ этомъ отношеніи, напр., во взглядѣ на происхожденіе ритма, орнамента, музыки и т. д., онъ примыкаетъ къ воззрѣніямъ, которыя проводятся въ работахъ Rich. Wallaschek'a („Anfänge der Tonkunst"), Bücher'a („Arbeit und Rhytmus") и т. д., Если бы читатель соблаговолилъ теперь раскрыть указанную уже брошюру Плеханова „Основные вопросы марксизма", то на стр. 53-й онъ въ числѣ работъ, которыя, по заявленію г. Плеханова, даютъ матеріалистическое, въ духѣ Маркса, объясненіе возникновенія искусства, — нашелъ бы работу и

---

[1]) Если г. Плехановъ въ такихъ случаяхъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, не указываетъ на Маха, то въ другихъ случаяхъ онъ къ «лику праведниковъ» охотно зачисляетъ лицъ, которыя совсѣмъ этого не заслуживаютъ. Большой курьезъ, въ этомъ отношеніи, случился у г. Плеханова съ Августомъ Форелемъ. Онъ, видите-ли, нашелъ у Фореля, что «сознаніе есть внутренній рефлексъ мозговой дѣятельности». (Ibid, с. 18). Такъ какъ это «похоже» на то, что пишетъ Плехановъ, то послѣдній, не колеблясь, обласкалъ Фореля и милостиво пригласилъ его «прямо, смѣло и просто объявить свое ученіе матеріалистическимъ». Одно забылъ г. Плехановъ: Форель ярый противникъ «матеріалистическихъ идоловъ» (выраженіе Фореля) и, вѣруя въ «непостижимое всемогущество вездѣсущаго «Бога», скорбитъ объ «отчужденіи между религіей и наукой». Пусть читатель просмотритъ стр. 26—29, 82 р. п. доклада «Мозгъ и душа», читаннаго Форелемъ на съѣздѣ естествоиспытателей въ Вѣнѣ. Это тѣмъ болѣе любопытно, что г. Плехановъ самъ ссылается на этотъ докладъ. Г-нъ Плехановъ замалчиваетъ это, но какъ бы онъ ехидничалъ по адресу «махистовъ», если бы нашелъ нѣчто хотя бы подобное у Э. Маха! Промахъ Плеханова дѣ-

Wallaschek'a и K. Bücher'a. Совпаденіе знаменательное!

Выходитъ, что Махъ, желая пояснить тѣ или иные свои взгляды, ссылается какъ разъ на работы, которыя „одобряются“ г. Плехановымъ. Отмѣтимъ еще слѣдующую интересную подробность. Энгельсъ, желая изобразить возникновеніе различныхъ идеологическихъ формъ изъ развитія экономическаго и взаимнозависимость всѣхъ сторонъ соціальной жизни, писалъ: „Политическое, правовое, философское, религіозное, литературное, художественное и проч. развитіе покоится на экономическомъ. Но всѣ они реагируютъ одно на другое и на экономическій базисъ“. Подобнаго же взгляда на отношеніе всѣхъ этихъ сторонъ соціальнаго процесса придерживается и Махъ. Побуждающимъ, основнымъ моментомъ онъ беретъ удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей; на почвѣ хозяйства, по его мнѣнію, развивается языкъ, письменность, наука, искусство и т. д.

лается еще интереснѣе, когда мы узнаемъ, за что онъ хвалитъ А. Фореля и за какія мысли онъ превращаетъ его въ матеріалиста. Форель, говоритъ онъ, совсѣмъ какъ Фейербахъ, доказываетъ, что психологія и физіологія мозга представляютъ собою лишь два различныхъ способа разсматриванія «одной и той же вещи». Г-нъ Плехановъ, побойтесь «бога» Ав. Фореля! Вѣдь то, что вы рекламируете, можно найти у Фехнера, Риля, Іодля, Эббингауса и десятковъ другихъ! Сравните, напримѣръ, то, что говоритъ хотя бы Фехнеръ. «То, что кажется тебѣ съ внутренней точки зрѣнія твоимъ духомъ, который и есть ты самъ,—кажется съ внѣшней точки зрѣнія тѣлесной основой этого самаго духа». Вѣдь это то же, что говоритъ Фейербахъ: «что для меня, или субъективно, есть чисто духовный, нематеріальный, нечувствительный актъ, то само по себѣ, или объективно, есть матеріальный, чувственный актъ». Если слѣдовать за г. Плехановымъ, то Фехнера нужно было также отнести къ матеріалистамъ! Такъ разбираются «основные вопросы» философіи въ плехановской брошюрѣ «Основные вопросы марксизма»!

„Die Wissenschaft entwickelt sich aus dem Handwerk und der Technik, ist also gewiss ein ökonomisches und soziales Produkt, so wie die Kunst“ [1]). Это значитъ — наука и искусство развиваются изъ ремесла и техники, являются продуктомъ экономической и соціальной жизни. Но каждый изъ этихъ факторовъ, разъ появившись, немедленно воздѣйствуетъ на техническій процессъ жизни: благодаря этому, и находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи „теоретическій интересъ и практическая мысль, научный и техническій опытъ и взаимно ускоряютъ другъ друга“.

Таковъ методъ изслѣдованія Маха. Пользуясь имъ, онъ исходитъ именно изъ того отправного пункта, что формы общественнаго бытія, техника общества, его матеріальная основа опредѣляетъ формы общественнаго сознанія. Пусть „опровергатели“ махизма „убѣдительно“ показываютъ обратное, — факты отъ этого не перестанутъ обладать своею выразительностью. Но, возразятъ мнѣ, историческій матеріализмъ, къ которому такъ близокъ Махъ, вѣдь не исчерпывается вышеуказанными общими положеніями. Онъ поясняетъ ихъ съ помощью болѣе конкретныхъ выводовъ и говоритъ о дѣленіи общества на классы, классовой психологіи, классовыхъ цѣляхъ и стремленіяхъ. Какъ ко всему этому относится Махъ?

Было бы неразумно требовать отъ Маха, спеціальной областью котораго является физическое изслѣдованіе, не знакомаго ни съ Марксомъ, ни съ Энгельсомъ, изложить „по Марксу“ свои взгляды на отношеніе классовъ и образованіе классовыхъ

---

[1]) Изъ письма Маха; этой формулировкой Махъ отвѣчаетъ мнѣ, какимъ представляетъ онъ себѣ отношеніе между идеологіей и экономикой общества.

цѣлей. Но что Маху не чуждо правильное пониманіе этихъ вопросовъ и признаніе того, что классовое дѣленіе общества порождаетъ классовыя стремленія и рядъ противорѣчій, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія его слова:

„Сложность и многообразность вліяній, идущихъ изъ окружающей человѣка естественной и культурной среды, образуетъ у него гораздо болѣе широкій кругъ опыта, ассоціаціи, интересовъ, чѣмъ тотъ, который смогло бы пріобрѣсти животное. Этому соотвѣтствуетъ бо̀льшая интеллигентность. Если мы сравнимъ другъ съ другомъ людей одного соціальнаго класса или даже одной профессіи, то они, конечно, покажутъ общія, соотвѣтствующія классу или профессіи, стремленія; но, несмотря на это, каждый изъ нихъ представляетъ отдѣльную, еще разъ ненаходимую психическую индивидуальность, соотвѣтствующую варіяціямъ его наслѣдственной предрасположенности и своеобразности его переживаній. Различіе интеллектуальныхъ индивидуальностей было бы, само собою понятно, чрезвычайно увеличено, если бы насъ не связывали предѣлы класса и профессій. Представимъ себѣ теперь, что эти различныя индивидуальности вступаютъ въ свободное сношеніе и дружески поддерживаютъ другъ друга въ предпріятіяхъ, каковыми являются наука, искусство, техника и тому подобныя общія дѣла; тогда можно было бы оцѣнить мощныя, сейчасъ пока еще неиспользованныя умственныя потенціи человѣчества. Взаимнымъ вліяніемъ другъ на друга многихъ различныхъ индивидуальностей создалось бы громадное обогащеніе и расширеніе объема опыта безъ притупленія его остроты и живости“ [1]).

[1]) Mach. Erkenntnis und Irrtum, s. 84. Вообще говоря, для характеристики соціологическихъ взглядовъ Маха особенно интересной является глава „Die Entwicklung der Individualität in der natürlichen und kulturellen Umgebung“.

Эти свободныя сношенія, говоритъ Махъ, „отчасти“ (zum Teil) могли бы быть замѣнены цѣлесообразно организованнымъ воспитаніемъ, но оно было бы испорчено современнымъ „равненіемъ воспитанія по классамъ и призваніямъ и воздвиганіемъ и укрѣпленіемъ границъ между классами и призваніями“. „Остережемся, заканчиваетъ Махъ, отъ слишкомъ окаменѣлыхъ формъ!“ Намъ въ данномъ случаѣ совершенно безразлично, какими „крайними“ или „умѣренными“ являются соціальныя симпатіи Маха. Намъ важна его научная мысль, а она совершенно правильна. Въ самомъ дѣлѣ: познаніе имѣетъ соціальный характеръ и генезисъ; въ соціальномъ взаимодѣйствіи людей, въ объединеніи индивидуальныхъ опытовъ и въ приспособленіи ихъ къ опыту коллективному лежитъ путь къ широкому, всеохватывающему познанію. Наука, такъ сказать, собираетъ въ головѣ одного экстракты опытовъ многихъ милліоновъ людей. Совершенно правъ Гумпловичъ, говоря, что „величайшей ошибкой было бы признавать, что мыслитъ отдѣльный человѣкъ“ („Соціологія“), и столь же правъ Энгельсъ, указывая, что мышленіе существуетъ въ видѣ мышленія „многихъ милліардовъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ людей“ (Engels, Antidühring's, s. 79). Наука есть одна изъ коллективныхъ силъ человѣчества, интеръ-индивидуальное, интернаціональное, исторически накопляемое богатство, являющееся дѣломъ не единичной личности, а соціальнымъ и для пользованія не одного, а всѣхъ. Если мы обозначимъ опыты отдѣльныхъ людей чрезъ m, n, p, r, s .... и т. д., то, слѣдуя за Махомъ, мы могли бы представить науку, какъ F (m, n, p, r, s ....). Задача познанія заключается въ томъ, чтобъ синтетически организовать эти индивидуальные опыты, привести ихъ

въ стройное, согласованное цѣлое, освободить цѣлое отъ вліянія субъективныхъ элементовъ, ненужныхъ фальсификацій и привнесеній (идіосиндемъ, по Авенаріусу). Собирая такимъ образомъ разрозненные опыты и прочно прикладывая другъ къ другу извлеченныя изъ нихъ цѣнныя части, наука удаляетъ все случайное и воздвигаетъ зданіе постояннаго, объективнаго, которое все болѣе и болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, связи и послѣдовательности ея частей. Такъ рождается чистое познаніе, которое полно, ясно и просто отражаетъ экстенсивное и интенсивное, выражаясь словами Г. Риккерта, многообразіе бытія. Но тутъ-то и начинаются трудности для такого чистаго, соціально-отшлифованнаго и гармонизированнаго познанія. Дѣло-то въ томъ, что дѣленіе общества на классы, классовыя противорѣчія и борьба дѣлаютъ немыслимымъ поднять на высшую ступень солидаризацію познанія. Люди поставлены въ разныя жизненныя условія и вырабатываютъ различныя представленія, понятія и различное отношеніе къ дѣйствительности. Соціальная психика раздѣлена на различные міры мысли и чувства, и эта дисгармонія не можетъ не отразиться на человѣческомъ познаніи, по существу своему — соціальномъ. Но чистое познаніе, какъ идеалъ, остается, и объективный ходъ соціальнаго механизма, подготовляющаго уничтоженіе дѣленія общества на классы, тѣмъ самымъ подготовляетъ и матеріальныя условія для возможности его осуществленія. Соціальная гармонизація производства, солидаризація познанія и общаго строя психики — дѣло будущаго. Прекрасно говоритъ Марксъ, утверждая, что религіозное, шире говоря, метафизическое познаніе и „отраженіе реальнаго міра можетъ вообще исчезнуть лишь тогда, когда условія

практической жизни людей будутъ каждодневно представлять имъ вполнѣ ясныя и разумныя отношенія человѣка къ человѣку и къ природѣ.“ Общественный процессъ жизни, включающій въ себя и дѣло познанія, — „лишь тогда сброситъ съ себя мистическое покрывало, когда онъ, какъ продуктъ свободно соединившихся людей, станетъ подъ ихъ сознательный и планомѣрный контроль. Но для этого требуется такая матеріальная основа общества или такой рядъ матеріальныхъ условій его существованія, которыя, въ свою очередь, являются лишь естественнымъ продуктомъ долгаго и мучительнаго историческаго развитія“ [1]).

Сравнивая это съ тѣмъ, что выше говоритъ Махъ, можно убѣдиться въ поразительномъ совпаденіи взглядовъ; только взгляды Маха формулированы менѣе отчетливо, болѣе своеобразно, безъ ассортимента обычныхъ соціально-экономическихъ доводовъ марксизма. Такимъ образомъ, мы имѣемъ слѣдующее интересное явленіе: историческое изслѣдованіе образованія физической науки привело Маха, совершенно независимо отъ соціологическихъ работъ Маркса и Энгельса, къ формулировкѣ положеній, почти буквально совпадающихъ съ краеугольными принципами историческаго матеріализма. Съ другой стороны, его теоретико-познавательныя работы индуктивно привели его къ выработкѣ опредѣленнаго идеала познанія („чистаго“ познанія), опредѣляя условія и общественныя возможности реализаціи котораго, Махъ пришелъ къ выводу, что этотъ идеалъ можетъ быть осуществленъ лишь при уничтоженіи дѣленія общества на классы, лишь при томъ условіи, что свободныя индивидуальности вступятъ въ сво-

[1]) „Капиталъ“, т. I, изд. 2-е, стр. 34 — 35.

бодныя отношенія и дружески, совмѣстно будутъ поддерживать другъ друга въ общихъ дѣлахъ, какими являются наука, искусство, техника и т. д.

Въ лицѣ Э. Маха, слѣдовательно, мы имѣемъ не врага, а друга, союзника.

Это нужно цѣнить.

IV. ТЕОРІЯ «ЭЛЕМЕНТОВЪ-ОЩУЩЕНІЙ» И ЕЯ КРИТИКИ.

За устраненіемъ ложнаго и совершенно бездоказательнаго обвиненія въ томъ, что Махъ не изъ бытія выводитъ сознаніе, а изъ сознанія производитъ бытіе, мы, однако, остаемся на лицо съ другимъ, прилегающимъ къ этому, но еще не разсмотрѣннымъ обвиненіемъ. Махъ обвиняется въ субъективномъ идеализмѣ (Плехановъ), абсолютномъ идеализмѣ (А. Деборинъ) и отрицаніи внѣшняго міра—въ солипсизмѣ. Обвинители въ доказательство ссылаются на его теорію ощущеній, гдѣ имѣются такія преступныя утвержденія, что тѣло, вещь есть комплексъ ощущеній. Полный реестръ обвиненій имѣется въ статьѣ А. Деборина, помѣщеніе которой должно служить цѣли выясненія „философскихъ шатаній“ въ средѣ русскихъ марксистовъ. Послѣдуемъ за этой статьей. По Маху, читаемъ мы въ ней, первичнымъ является не природа, а „сумма воспріятій, данныхъ первоначально нашему сознанію и не сводимыхъ ни на что другое“. По Маху, ощущенія „существуютъ лишь во мнѣ“, „реаленъ только міръ психическій, міръ представленій“, природа, бытіе, объектъ „существуетъ только въ человѣческомъ духѣ“. „Цвѣта, разсуждаютъ махисты, суть таковы, какъ мы ихъ переживаемъ; они воз-

никаютъ въ нашемъ глазу, но именно потому, что они возникаютъ въ нашемъ глазу, они не представляютъ чего-либо внѣ насъ находящагося. Стало быть, цвѣта существуютъ лишь постольку, поскольку существуетъ глазъ. То же самое относится не только къ качествамъ: цвѣту, запаху, звуку и пр., но и къ движенію, фигурѣ, протяженности, непроницаемости и т. п. Все существуетъ только въ нашей головѣ, внѣ которой ничего реальнаго нѣтъ".

Все это „по Маху".

Мы сейчасъ подвергнемъ анализу эти утвержденія, но предварительно нѣсколько словъ. Деборинъ указываетъ, что въ основу марксистскаго міросозерцанія легли слѣдующія характерныя теоретико-познавательныя предпосылки: 1. Реальна одна лишь (?) природа. 2. Природа существуетъ независимо отъ субъекта. 3. Субъектъ составляетъ часть той же природы. 4. Познаніе возникаетъ изъ опыта, т.-е. изъ воспріятій, получаемыхъ субъектомъ отъ внѣшняго міра. 5. Внѣшнимъ міромъ, бытіемъ опредѣляется наше сознаніе. 6. Знаніе истинно и объективно постольку, поскольку оно согласуется съ дѣйствительностью. За исключеніемъ 1-го положенія, всѣ пять остальныхъ, разумѣется, вполнѣ принимаются Махомъ, хотя къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ не ограничивается голымъ утвержденіемъ этихъ общихъ мѣстъ, а конкретизируетъ и освѣщаетъ ихъ своей теоріей познанія. Что же касается того, что „реальна одна лишь природа", то, конечно, оспариванію подвергается не реальность природы. Что природа реальна, существуетъ, есть та естественная среда, которую находитъ человѣкъ при своемъ рожденіи, это настолько ясно всякому психически здоровому человѣку, что, говоритъ Махъ, ему и въ голову не

приходитъ превратить, въ духѣ философа-солипсиста, весь міръ въ созданіе своихъ чувствъ. („Анализъ ощущеній“, с. 38). И, прибавляетъ Авенаріусъ, интереснымъ вопросомъ является не тотъ, „почему мы вѣримъ въ реальность внѣшняго міра“, а другой—„почему мы думали, что внѣшній міръ не реаленъ“ [1]). Итакъ — природа, конечно, реальная данность, но сказать, что реальна только лишь природа — это значитъ сказать неправду. Въ самомъ дѣлѣ: я могу, напримѣръ, представить себѣ такое странное чудовище, у котораго голова курицы, тѣло — мамонта, а конечности — стрекозы. Содержаніе моего представленія абсурдно: въ дѣйствительности, реально ему ничего не соотвѣтствуетъ; я произвелъ его, фантастически связывая отдѣльныя представленія дѣйствительныхъ объектовъ. И все-таки тотъ, кто не отрываетъ психическаго отъ физическаго, тотъ, кто помнитъ, что природа заключаетъ въ себѣ „все тѣлесное и все духовное“ (Дицгенъ), тотъ долженъ знать, что разъ реаленъ мозговой процессъ, съ которымъ функціонально связано мое представленіе о фантастическомъ чудовищѣ, то реально и само мое представленіе. Въ этомъ смыслѣ галлюцинаціи вещь столь же реально существующая, какъ и самые реальные предметы, хотя бы самое содержаніе ихъ было безконечно абсурдно. Дѣльныя замѣчанія на этотъ счетъ мы находимъ у І. Дицгена. „Случайное настроеніе, говоритъ онъ, есть столь же реальное бытіе, какъ и бытіе Монблана, т.-е. качество бытія обоихъ одно и то же („die Qualität des Daseins beider ist dieselbe“), хотя бытіе Монблана носитъ болѣе общій характеръ, чѣмъ то на-

[1]) Avenarius. Der menschliche Weltbegriff, см. Anmerkungen, s. 132.

строеніе, которое „существуетъ“ только для индивидуальнаго сознанія. Достаточно того, что оно существуетъ, и, такимъ образомъ, принадлежитъ со всѣмъ бытіемъ къ одной и той же рубрикѣ“ [1]). Мы видимъ, слѣдовательно, что, выставляя положеніе „реальна лишь природа“, А. Деборинъ поспѣшилъ, а поспѣшилъ потому, что спуталъ понятія и реальное отожествилъ съ какимъ-то другимъ понятіемъ. Но что природа реальна, и что она включаетъ въ себѣ все тѣлесное и все духовное, это сомнѣнію не подлежитъ. Если мы внесемъ теперь въ пунктъ 1-й эту поправку, то можемъ сказать, что всѣ шесть положеній, которыя, по Деборину, характерны для марксизма, — одинаково характерны и для воззрѣній Маха. Но какъ же тогда это совмѣстить съ теоріей „ощущеній“? Къ этому интересному вопросу мы и переходимъ. Недостатокъ мѣста не позволитъ мнѣ особенно полно остановиться на немъ, но я, во всякомъ случаѣ, постараюсь быть п о н я т ы м ъ и буду говорить возможно популярнѣе. Эмпиріокритицизмъ исходитъ изъ реально существующей, независимой отъ нашего существованія природы — объекта и изъ реально существующаго субъекта, какъ части этой природы. Субъектъ живетъ въ опредѣленной средѣ и, борясь за существованіе, постоянно приспосабливается къ этой противопоставленной ему средѣ органическаго и неорганическаго міра. Какую при этомъ роль играетъ познаніе? Оно имѣетъ громадное жизненное значеніе: оно есть „явленіе біологическое, котораго начатки и корни можно прослѣдить до простѣйшихъ э к о н о м и ч е с к и х ъ побужденій и инстинктовъ людей и даже животныхъ“ (Махъ). Оно есть выраженіе органической жизни

[1]) Дицгенъ. «Kleinere philosophische Schriften», s. 266.

и факторъ, который облегчаетъ человѣческому организму различеніе его окружающихъ условій, ихъ утилизацію, пониманіе, короче—приспособленіе къ природѣ. По существу же своему, процессъ познанія есть процессъ „отраженія“ мозгомъ элементовъ, данныхъ, связей среды, есть изображеніе процесса фактовъ въ процессѣ мыслей и имѣетъ своею цѣлью — предсказаніе опыта. Но мышленіе, стремясь выполнить эти задачи, т.-е. пытаясь „отразить богатую жизнь вселенной, лишь маленькою частью которой является оно само и исчерпать которую у него не можетъ быть никакой надежды“, вынуждено пользоваться для этого своими ограниченными средствами и потому имѣетъ основаніе экономно расходовать свои силы (Махъ). Съ этой точки зрѣнія — все содержаніе нашего знанія есть лишь экономически упорядоченный опытъ, а стремленіе мыслить сущее единымъ, въ единомъ процессѣ мысли, исходя изъ единаго принципа (монизмъ), есть лишь показатель того же береженія познаніемъ своихъ силъ. При монистическомъ объясненіи сложная совокупность нашихъ данныхъ и нашихъ представленій организуется единымъ, общимъ, основнымъ комплексомъ представленій. Благодаря ему, мы сразу охватываемъ широкую область фактовъ и усваиваемъ ее. Громаднѣйшую роль при этомъ играютъ понятія, которыя образуются путемъ нахожденія общаго въ многообразіи, выдѣленіи общаго изъ частнаго; пользуясь ими, мы получаемъ возможность охватывать аппаратомъ мысли „мозаику широчайшей области опыта“. Но какъ образуется само познаніе? Объектъ воздѣйствуетъ на субъектъ, но, конечно, самъ субъектъ не остается въ этомъ процессѣ пассивнымъ членомъ. Это воздѣйствіе — въ высшей степени сложное соотношеніе, и впервые формальная его сторона, его „біо-

механика“ изображена Р. Авенаріусомъ въ его грандіозной „Критикѣ чистаго опыта“. Здѣсь нѣтъ мѣста для изложенія этой теоріи, укажемъ лишь, что Авенаріусъ всю психическую жизнь разматриваетъ, какъ содержаніе жизненныхъ рядовъ центральной нервной системы. Эти ряды возникаютъ изъ колебанія системы въ процессѣ приспособленія организма къ окружающей средѣ, на почвѣ работы и питанія. Съ обычными колебаніями системы, съ обычными приспособленіями связываются элементарныя психическія „цѣнности“ [1]). На почвѣ обычныхъ жизненныхъ рядовъ образуется надстройка высшихъ рядовъ, съ которыми сочетаются высшія формы сознанія, наука, научныя понятія. Такова физическая сторона образованія опыта, какъ результата „воздѣйствія“ объекта на субъектъ. Ни одно изъ указываемыхъ положеній, разумѣется, не противорѣчитъ тѣмъ „шести“ (съ поправкой) положеніямъ, которыя выставилъ А. Деборинъ. Разница лишь въ томъ, что у Деборина эти положенія сакраментально-сухія, общія, абстрактныя мѣста, а у эмпиріокритицизма они облечены въ плоть и кровь фактовъ, пояснены, доказаны, конкретизированы и играютъ всѣми красками живой дѣйствительности. До сихъ поръ нѣтъ ничего неяснаго, но мы уже вступаемъ въ преддверье „теоріи ощущеній“. Начнемъ съ того, что возьмемъ одно изъ деборинской сводки положеній. „Всякое познаніе возникаетъ изъ опыта, т.-е. изъ воспріятій, получаемыхъ субъектомъ отъ внѣшняго міра“. Какимъ образомъ получаются эти воспріятія — мы это, допустимъ, уже видѣли и насъ

[1]) Кстати, почему Ортодоксъ (см. рецензію на перев. Авенаріуса, «Совр. Міръ», іюль 1908 г.) думаетъ, что авенаріусовскую «Wert» нужно переводить посредствомъ слова «факторъ», а не «цѣнность» — совершенно непонятно.

интересуетъ теперь другой вопросъ: не какъ мы пріобрѣтаемъ элементы познанія, а что пріобрѣтаемъ; насъ интересуетъ, другими словами, не вопросъ объ условіяхъ происхожденія опыта, а его содержаніе. Законенъ ли такой вопросъ? Разумѣется; одно дѣло образованіе и установка колебаній какого-либо мозгового процесса, а другое дѣло — содержаніе, смыслъ, который субъективно соотвѣтствуетъ этому процессу. Итакъ, вопросъ о содержаніи опыта законенъ, но въ какомъ смыслѣ мы говоримъ объ этомъ содержаніи? Въ томъ ли смыслѣ, что намъ нужно дать наглядное перечисленіе данныхъ опыта, т.-е. вещей, тѣлъ, описаніе ихъ вида, формы, свойства и т. д.? Нѣтъ, мы говоримъ не объ отдѣльныхъ вещахъ опыта, а объ ихъ общемъ содержаніи. Мы ближе подойдемъ къ нашей задачѣ, если выставимъ слѣдующее безспорное положеніе: все содержаніе нашего опыта есть дѣло нашихъ органовъ чувствъ, такъ что можно поставить знакъ равенства между содержаніемъ нашего опыта и содержаніемъ показаній органовъ чувствъ, чувственныхъ наблюденій. Но если это такъ, то тогда то, что мы называемъ внѣшнимъ міромъ, есть совокупность показаній нашихъ органовъ чувствъ. Дѣйствительно: я нахожу въ мірѣ цвѣта и звуки, давленіе, жаркое и холодное, горькое и сладкое, жидкое и твердое и т. д. Изъ комбинаціи и связи этихъ элементовъ и состоитъ мой внѣшній міръ, какъ и міръ другихъ людей. Но что такое цвѣта, звуки, горькое, твердое и т. д.? Различныя показанія того или иного чувственнаго возбужденія. Объектъ дѣйствуетъ на субъектъ и вызываетъ въ немъ чувственныя возбужденія, которыми, какъ таковыми и только какъ таковыми, и опредѣляется объектъ. Такимъ образомъ, когда Махъ говоритъ, что „то, что мы называемъ

внѣшнимъ міромъ, есть прежде всего и единственно продуктъ дѣятельности нашихъ органовъ чувствъ“[1]), онъ высказываетъ этимъ не идеалистическій вздоръ, а лишь свою увѣренность въ опытномъ, а не апріористически-трансцендентномъ происхожденіи нашего познанія. Говоря, что мы знаемъ внѣшній міръ съ помощью органовъ чувствъ, или, въ данномъ случаѣ это равносильно, что внѣшній міръ есть продуктъ нашихъ органовъ чувствъ,— не отрицаетъ ли этимъ Махъ существованія внѣшняго бытія, т.-е. вещей, внѣшнихъ нашему организму? Само собою понятно — нѣтъ, но Махъ, имѣя въ виду своихъ лжетолкователей, написавъ, что внѣшній міръ есть продуктъ нашихъ органовъ чувствъ, немедленно прибавляетъ: „этотъ продуктъ, внѣ всякаго сомнѣнія, въ большинствѣ случаевъ является лишь послѣднимъ звеномъ въ цѣпи зависимостей, другой конецъ которой находится внѣ этихъ органовъ“ („en dehors de ces organes“)[2]). Для Маха понятіе „внѣшняго міра“ такъ же, какъ и коррелятивно образующееся противоположеніемъ ему понятіе „я“,— отнюдь не являются какими-то м е т а ф и з и ч е с к и м и понятіями. „Le moi et le monde extérieur ne sont donc nullement des concepts métaphisiques, ce sont des constructions empiriques“ (ibid, p. 313). Идемъ далѣе.

Если внѣшній міръ мы знаемъ съ помощью нашихъ органовъ чувствъ, если о содержаніи, качествѣ, свойствѣ частей и элементовъ этого міра мы

[1]) См. нижепредлагаемую статью Маха.

[2]) Ibid. Почему въ большинствѣ случаевъ, а не во в с ѣ х ъ? Махъ говоритъ этимъ слѣдующее. Въ числѣ данныхъ, которыя индивидъ относитъ къ внѣшнему міру, есть такія, которыя не получены имъ лично непосредственно опытнымъ, чувственнымъ путемъ. Я, напр., никогда не былъ въ Австраліи или въ Китаѣ, но это не мѣшаетъ мнѣ признавать ихъ (благодаря передачѣ мнѣ опыта другими) за реальныя географическія части.

получаемъ свѣдѣнія изъ содержанія показаній отдѣльныхъ чувственныхъ возбужденій, то не можемъ-ли какъ-нибудь иначе опредѣлить содержанія нашего опыта? По существу своему, этотъ вопросъ сводится къ иному опредѣленію содержанія чувственныхъ показаній и на него отвѣчаетъ наука — психологія. Психологическій анализъ разлагаетъ всѣ показанія нашихъ чувствъ на послѣдніе, при современномъ состояніи знанія пока еще не разложимыя части. Онъ сводитъ и разлагаетъ воспріятія на простѣйшія, элементарныя части, какими являются слуховыя, зрительныя, осязательныя, вкусовыя, обонятельныя ощущенія.

Все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ—получено нами помощью этихъ ощущеній и, познавая, мы никогда не можемъ выйти изъ этихъ ощущеній, такъ какъ, говоритъ A. Binet, „nous ne sortons jamais de nous même“. „Всѣ объекты, говоритъ онъ, намъ извѣстны черезъ ощущенія, которыя они въ насъ вызываютъ, и извѣстны только такимъ образомъ [1])“. Пейзажъ, который я разглядываю, я знаю изъ зрительныхъ ощущеній. Прохладность льда— изъ осязательныхъ. Силу грома — изъ слуховыхъ. Однимъ словомъ, какіе бы факты ни встрѣчались въ жизненной практикѣ человѣка, будь то дѣятельность техническая или научная, всѣ они познаются человѣкомъ изъ ощущеній. Руками можно развести, когда прочтешь то, что пишетъ Ортодоксъ. Въ ея рецензіи на переводъ „Критики чистаго опыта“ имѣются слѣдующія поразительныя строки: „современное естествознаніе занимается изученіемъ объективной дѣйствительности, абстрагируя отъ ощущенія и мышленія, стараясь по возможности изолировать

[1]) A. Binet. L'ame et le corps, p. 12.

субъективные элементы“[1]). Когда Ортодоксъ пишетъ, что естествознаніе, занимаясь „изученіемъ“ дѣйствительности, „абстрагируетъ отъ мышленія“, то эта фраза звучитъ весьма нескладно. Но это еще полъ-бѣды; болѣе нескладно предлагать естествознанію устраивать фокусы барона Мюнхгаузена и „абстрагировать отъ ощущенія“, которое, какъ видно изъ текста, Ортодоксъ относитъ къ подлежащимъ изоляціи субъективнымъ элементамъ. Ни одинъ физикъ не можетъ познавать „объективную“ дѣйствительность иначе, какъ съ съ помощью своихъ органовъ чувствъ, т.-е. въ конечномъ счетѣ ощущеній. „Физикъ всегда, говоритъ Махъ, оперируетъ съ ощущеніями“. Абстрагировать, т.-е. отвлечься отъ ощущеній, это значитъ совсѣмъ не познавать, ибо другого, мистически-непосредственнаго, способа анализировать дѣйствительность у насъ нѣтъ и быть не можетъ. Binet говоритъ, что положеніе — тѣла мы знаемъ изъ ощущеній — безъ всякихъ трудностей усваивается всякимъ образованнымъ человѣкомъ и весьма удивляетъ невѣждъ, когда это имъ поясняютъ.

Я далекъ отъ мысли и дерзости относить т. Ортодоксъ къ разряду этихъ „ignorants“. Поэтому я глубоко увѣренъ, что она пойметъ, что каждый разъ, когда естествоиспытатель (см. ниже статью Маха) изслѣдуетъ подъ микроскопомъ какую-нибудь клѣточку, разлагаетъ какое-нибудь тѣло или наблюдаетъ кипѣніе жидкости, — онъ все время имѣетъ дѣло съ совокупностью сложныхъ зрительныхъ, осязательно-мускульныхъ, слуховыхъ и т. д. ощущеній. „Абстрагировать“ отъ нихъ нельзя на томъ простомъ основаніи, что они лежатъ въ основѣ

---

[1]) См. «Современный Міръ», іюль, стр. 138, мой курсивъ.

всякаго опыта, являются его содержаніемъ. Но ошибка Ортодоксъ въ томъ-то и заключается, что она полагаетъ возможнымъ выскочить изъ этихъ ощущеній, изолировать ихъ, какъ субъективные элементы. Она забываетъ, что тамъ, гдѣ исчезаютъ ощущенія, исчезаетъ и опытъ.

Съ этимъ невѣрнымъ положеніемъ у нея связывается еще другое, которое, какъ уже сказано, можно было бы назвать вѣрою въ возможность какого-то иного „прямого", „непосредственнаго" познанія внѣшнихъ тѣлъ, такъ сказать, перепрыгивая черезъ „субъективный" путь ощущеній. Этотъ же способъ познанія есть цѣликомъ мистическій, ибо онъ носитъ сверхчувственный характеръ. О немъ дозволительно говорить г. Вячеславу Иванову съ его „мистическимъ воспріятіемъ міра", но отнюдь не реалисту-марксисту. И это еще разъ показываетъ, что тѣмъ, кто объявляетъ войну „махизму", мистикѣ и т. н. религіознымъ исканіямъ,— далеко не мѣшаетъ просмотрѣть и провѣтрить свой умственный багажъ. Мистика проникла и сюда. Та же ошибка ясно проглядываетъ и въ статьѣ Деборина. Онъ, напр., очень иронически относится къ положенію — „мы мыслимъ міръ посредствомъ нашихъ мыслей" (курс. Деборина). „Стало быть, выводитъ онъ, знаемъ только свои собственныя представленія". Стало быть, заключаетъ нашъ философъ, о „реальномъ, независимо отъ насъ существующемъ мірѣ мы не только ничего не знаемъ, но и знать не можемъ" (мой курс.). Но скажите-ка намъ, не знаю уже, какъ вы позволите мнѣ титуловать васъ — т. или г. Деборинъ: если не посредствомъ „нашихъ", то съ помощью какихъ иныхъ и чьихъ мыслей и ощущеній мы можемъ мыслить и знать о внѣшнемъ мірѣ? При помощи ощуще-

ній улитки? Или мыслей гориллы? Да, мы знаемъ міръ пострeдствомъ нашихъ—субъективныхъ ощущеній, но это отнюдь не означаетъ, что мы не имѣемъ объективнаго знанія. Объективную истину даетъ намъ совокупность систематизированныхъ опытовъ коллективности. Въ каждомъ изъ частныхъ опытовъ синтезирующее познаніе извлекаетъ общее и прочное; оно абстрагируетъ отъ частныхъ, случайныхъ, субъективныхъ моментовъ, но это не значитъ, что оно выбрасываетъ за бортъ ощущенія этихъ опытовъ, координированная связь которыхъ и есть то самое, что является содержаніемъ опыта. Для нашихъ аргонавтовъ-матеріалистовъ это книга за семью печатями, и только храбростью можно объяснить, напр., тотъ упрекъ, который бросаетъ А. Деборинъ махистамъ, которые, молъ, думаютъ, что невозможно мыслить среду внѣ отношенія къ „я“, т. е. выбрасывая того, кто мыслитъ эту среду. Деборинъ парируетъ это указаніемъ, что разъ міръ существуетъ независимо отъ моего „я“, то значитъ есть какая-то среда, которая можетъ быть мыслима внѣ связи и зависимости отъ этого „я“. Это кажется ему настолько очевиднымъ, что онъ побѣдоносно торжествуетъ и здѣсь, на радостяхъ торжества пишетъ фразу, которая показываетъ, что Деборинъ: 1) или абсолютно не знаетъ тѣхъ, о комъ онъ пишетъ свои „критическіе“ этюды, или 2) такъ развязенъ въ полемикѣ, что не гнушается, даже... передержкой! Онъ пишетъ: „по непослѣдовательности, единомышленникъ Маха — Авенаріусъ допускаетъ возможность мыслить среду, объектъ (das Gegenglied) внѣ отношенія къ „я“, т.-е. признаетъ косвенно существованіе внѣшняго міра „вещей въ себѣ“. Пусть

читатель теперь выслушаетъ самого „непослѣдовательнаго“ Авенаріуса. Мыслить объектъ — противочленъ безъ отношенія къ „я“ — къ центральному члену — рѣшительно невозможно. „Подобный вопросъ не имѣетъ оправданія, такъ какъ разъ „я“ мыслю составную часть среды, она тѣмъ самымъ есть уже противочленъ (Gegenglied), у котораго центральный членъ — я, а себя самого я не могу отмыслить. Мыслить „составную часть среды (объектъ, вещь) саму по себѣ и въ себѣ — значитъ, тѣмъ самымъ, пытаться мыслить нѣчто такое, что не только не можетъ быть мыслимо, но и умозаключаемо; и желать качественно, положительно или только отрицательно, опредѣлить „составную часть среды“ (объектъ, вещь) саму по себѣ и въ себѣ — значитъ, пытаться опредѣлить нѣчто немыслимое чрезъ мыслимости („etwas Undenkbares durch Denkbarkeiten zu bestimmen versuchen“). Такъ какъ никакой анализъ опыта и никакой выводъ изъ опыта не приводитъ къ такимъ ложнымъ понятіямъ, то постановка этого вопроса можетъ возникнуть лишь на почвѣ или (несознаваемой) поддѣлки опыта или ложныхъ умозаключеній“ [1]).

Останавливаться дальше на храбромъ Деборинѣ послѣ этого даже какъ-то и нелюбко. Замѣчу лишь, что вся его критика Маха, отъ начала до конца, построена на тѣхъ же пріемахъ, образчикомъ которыхъ можетъ служить его отношеніе къ Авенаріусу.

Итакъ, мы знаемъ тѣла только по тѣмъ ощущеніямъ, которыя они въ насъ „возбуждаютъ“. Но если мы согласимся съ тѣмъ, что вещи для

[1]) R. Avenarius. Der menschliche Weltbegriff, Anmerkungen, s. 131. Курсивъ мой. Обо всемъ этомъ подробнѣе см. ниже—въ примѣчаніи къ статьѣ Адлера.

насъ, такъ же, какъ и міръ вообще, который состоитъ изъ этихъ вещей, есть то, что мы о нихъ и о немъ знаемъ и еще надѣемся узнать; если мы пойдемъ за наукой и признаемъ, что опытъ и знаніе міра имѣютъ своей основою ощущенія, то безспорное положеніе — „мы знаемъ вещи изъ ощущеній“ — можетъ быть замѣнено столь же безспорнымъ, но болѣе (какъ увидимъ ниже) точнымъ другимъ положеніемъ: вещи, тѣла для насъ состоятъ изъ ощущеній, даются намъ, какъ комплексы ощущеній. Этому учитъ Махъ, и тѣ же мысли мы находимъ въ уже цитированной нами книгѣ Binet: „Совокупность нашихъ ощущеній есть все, что только мы и можемъ знать о внѣшнемъ мірѣ, такимъ образомъ что мы можемъ опредѣлить послѣдній, какъ совокупность настоящихъ, прошлыхъ и возможныхъ ощущеній“ („L'ame et le corps“, стр. 58). Такимъ является для насъ внѣшній міръ; дѣло науки анализировать и координировать эти ощущенія и, эллиминируя частныя отношенія, представить постоянныя отношенія. Собственно говоря, прибавляя къ этимъ опредѣленіямъ слова — „для насъ“, мы прибавляемъ два лишнихъ слова, ибо познавая, мы все равно не можемъ выйти изъ самихъ себя и отмыслить самихъ себя. Изъ всего этого явствуетъ, что если съ физической точки зрѣнія опытъ есть „воздѣйствіе объекта на субъектъ“, то съ психологической точки зрѣнія — опытъ, въ смыслѣ его содержанія, распадается на ощущенія, такъ что все находимое въ немъ можно представить въ видѣ тѣхъ или иныхъ связей ощущеній.

„Просвѣщенные“ хранители матеріалистическихъ истинъ въ ужасъ приходятъ отъ этихъ словъ: они никакъ не могутъ понять, что тѣла состоятъ изъ ощущеній — здѣсь-то и кроется, по

ихъ мнѣнію, абсолютный идеализмъ, солипсизмъ и всякаго рода „буржуазный опіумъ для рабочаго класса“. Въ самомъ дѣлѣ: тѣла состоятъ изъ ощущеній, но ощущенія находятся, говорятъ они, въ нашей головѣ; значитъ, „все содержаніе опыта всецѣло загнано въ субъектъ“ (Ортодоксъ, ib. ея курсивъ), — въ голову субъекта перенесены всѣ вещи, и посему „все существуетъ только въ нашей головѣ, внѣ которой ничего реальнаго нѣтъ“ (Деборинъ). Вотъ такъ хваленая „махистская философія“! Но послушайте, господа! — если вы помѣщаете ощущенія внутрь головы и полагаете, что эти ощущенія возникаютъ тамъ изъ игры матеріальныхъ атомовъ (какимъ образомъ—этого чуда вы еще не пояснили и, если вѣрить Плеханову, мы этого „никогда не узнаемъ“. Кр. н. кр., с. 136),— то это не значитъ еще, что ту же ошибку дѣлаютъ Махъ и Авенаріусъ. Въ нашей головѣ, говоритъ Авенаріусъ, находятся мозгъ, гангліи, нервныя волокна, но никакой микроскопъ не откроетъ намъ присутствія въ головѣ ощущеній. То же самое говоритъ и Махъ и прибавляетъ: „если рѣчь идетъ объ ощущеніяхъ другого человѣка, то въ моемъ оптическомъ и физическомъ пространствѣ имъ, конечно, дѣлать нечего: они привнесены моимъ мышленіемъ и я мыслю ихъ въ каузальной (или лучше — функціональной), но не пространственной связи съ наблюдаемымъ или представляемымъ мозгомъ человѣка. Если же рѣчь идетъ о моихъ ощущеніяхъ, то они не занимаютъ какого-нибудь пространства въ моей головѣ, а скорѣе моя „голова“ вмѣстѣ съ ними занимаетъ одно пространственное поле“ [1]).

Мы сдѣлали эти указанія и предвидимъ „ехидный“

[1]) Махъ. Анализъ ощущеній, стр. 31—32.

вопросъ: если ощущенія не находятся въ нашей головѣ, то гдѣ же тогда они находятся? Отвѣчаемъ: не разъ уже отмѣчалось выше, что опытъ, какъ основа нашего знанія, есть воздѣйствіе объекта на субъектъ, причемъ, съ психологической точки зрѣнія, все содержаніе его можетъ быть сведено къ элементарнымъ ощущеніямъ. Возьмемъ, напримѣръ, такой о п ы т ъ: я „ощущаю“ голубой цвѣтъ. Это значитъ, я вошелъ въ отношеніе, въ опредѣленную координацію, въ извѣстную связь съ объектомъ, съ голубымъ цвѣткомъ. Если мы не полные невѣжды по части психологіи, то мы должны, конечно, знать, что „о щ у щ а т ь“ голубой цвѣтъ я могу только тогда, когда вхожу в ъ с в я з ь съ этимъ голубымъ цвѣтомъ, т.-е тогда, когда мой глазъ открытъ, не слѣпъ и обращенъ по направленію къ цвѣтку. Это замѣчаніе тѣмъ болѣе необходимо, что вся статья А. Деборина построена на самомъ невѣжественномъ пониманіи ощущеній, которыя онъ с м ѣ ш и в а е т ъ съ представленіями, забывая, что одно дѣло ощущать (опытно испытывать) что-либо, напр. ощущать сладость сахара, другое дѣло представлять, мыслить о сладкомъ сахарѣ [1]). Ощущеніе, слѣдовательно, есть функція ко-

[1]) До какихъ границъ невѣжества доходятъ наши матеріалисты въ своей критикѣ о щ у щ е н і й, о томъ свидѣтельствуетъ писаніе Рахметова, alter ego Деборина. Рахметовъ, критикуя положеніе, что опытъ состоитъ изъ ощущеній, опровергаетъ его слѣдующимъ заявленіемъ. «Представимъ себѣ слѣдующее. Вы, читатель, в и д и т е сонъ. Вы ѣдете въ поѣздѣ, который сходитъ съ рельсъ, васъ давятъ обломки вагоновъ, вы ясно о щ у щ а е т е (курсивъ Рахметова) боль поломанныхъ членовъ». (Къ философіи марксизма, стр. 25). Рахметовъ приводитъ этотъ примѣръ, какъ показатель с у б ъ е к т и в н о с т и свойствъ ощущеній. Но этимъ примѣромъ онъ лишь показываетъ, что никогда не имѣлъ въ рукахъ ни одного даже учебника психологіи, ибо если подъ о щ у щ е н і е м ъ понимать содержаніе сна, то дальше итти уже некуда!

ординаціи, которая выступаетъ налицо при той или иной связи субъекта и объекта (зрительныя, слуховыя, обонятельныя и т. д. ощущенія); ощущенія нѣтъ налицо, ощущеніе исчезаетъ, когда исчезаетъ эта *связь*, т.-е. когда или исчезаетъ субъектъ, испытывающій „голубой“ цвѣтъ, или исчезаетъ „голубой цвѣтокъ“, какъ объектъ. Величайшая заслуга Э. Маха и заключается въ томъ, что онъ съ геніальной простотой выяснилъ эту связь и на почвѣ выясненія ея указалъ отправной пунктъ для истинно-монистическаго воззрѣнія на міръ. Вопросъ сводится къ слѣдующему.

Входя въ опредѣленныя отношенія съ объектомъ, субъектъ испытываетъ нѣкоторыя зависимости и связи, съ которыми функціонально связаны различнаго рода данныя, — какъ ощущенія. Контактъ объекта съ слуховымъ аппаратомъ субъекта рождаетъ связь, именуемую звукомъ. Контактъ съ зрительнымъ аппаратомъ вызываетъ другого рода связь — зрительный комплексъ.

Въ основѣ этой связи лежитъ присутствіе обоихъ необходимыхъ членовъ — объекта и субъекта, но познаніе допускаетъ слѣдующаго рода *абстракцію*. Данныя связи мы можемъ, во-первыхъ, разсматривать въ ихъ отношеніи однѣхъ къ другимъ, отвлекаясь отъ составныхъ частей тѣла субъекта.

Такъ, напримѣръ, тотъ самый голубой цвѣтокъ, входя съ которымъ въ связь, я говорю, что ощущаю голубое (лучше, конечно, было бы говорить „*ощущается*“ голубое, потому что этимъ характеризуется безличность связи ощущенія),—я могу изслѣдовать въ его отношеніи къ другимъ даннымъ среды и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Я могу, напр., характеризовать, что голубой цвѣтокъ дѣлается темнымъ, когда заходитъ солнце (источникъ свѣта) и наступаетъ ночь; я могу даль-

ше замѣтить, что раннимъ утромъ, при лучахъ восходящаго солнца, голубой цвѣтокъ имѣетъ нѣсколько иной оттѣнокъ.

Когда мы занимаемся изученіемъ подобнаго рода отношеній,—мы имѣемъ дѣло съ физическими зависимостями. При подобнаго рода изученіи мы оставляемъ въ сторонѣ разсмотрѣніе вліянія на опытъ нашихъ органовъ чувствъ, но такое познаніе неполно, и потому, не ограничиваясь имъ, мы должны также, во-вторыхъ, изучить зависимость всѣхъ данныхъ въ ихъ отношеніяхъ къ органамъ чувствъ. Поскольку мы переходимъ въ эту область, — а переходъ, говоритъ Махъ, начинается тамъ, гдѣ мы начинаемъ считаться съ предѣлами нашего тѣла, — постольку мы имѣемъ дѣло уже съ психическими зависимостями, и тогда цвѣтъ мы изучаемъ въ его отношеніи къ сѣтчаткѣ глаза, звукъ—въ связи съ слуховымъ аппаратомъ, осязаніе—въ связи съ чувствительностью кожной поверхности. Содержаніе „матеріи“ въ обоихъ случаяхъ одинаково, ибо это содержаніе—одна и та же связь между объектомъ и субъектомъ, но способы изученія этой связи различны, и Махъ для опредѣленія этого различія вводитъ чрезвычайно важное терминологическое опредѣленіе. Всѣ данныя, изучаемыя методомъ и въ рамкахъ физической зависимости, онъ называетъ элементами; тѣ же элементы, изучаемые въ предѣлахъ психической зависимости, Махъ называетъ ощущеніями. Такъ, голубой цвѣтъ въ его отношеніи къ другимъ тѣламъ (напр., солнечному освѣщенію)—есть физическій элементъ, тотъ же голубой цвѣтъ по отношенію къ субъекту и его сѣтчаткѣ глаза есть ощущеніе. Послѣ этихъ выясненій мы уже можемъ теперь и отвѣтить— гдѣ же находится ощущеніе. Гдѣ, напр., находится „ощу-

щеніе“ голубого цвѣта? Ортодоксъ и Деборинъ скажутъ—что въ нашей головѣ, а мы имъ пояснимъ, что, говоря о нашей головѣ, они, очевидно, хотятъ имѣть дѣло съ психологическимъ изслѣдованіемъ, но по отношенію къ нему вопросъ: „гдѣ находится ощущеніе?“ — нелѣпъ, ибо ощущенія никакого мѣста въ пространственномъ полѣ не занимаютъ. Значитъ, если вопросъ о мѣстонахожденіи ощущеній и имѣетъ смыслъ, то только въ предѣлахъ физическаго изслѣдованія, а въ его рамкахъ отвѣтить на вопросъ чрезвычайно легко. Дѣйствительно: для физическаго изслѣдованія намъ нужно говорить уже не объ „ощущеніи голубого“, а объ „элементѣ голубомъ“. Гдѣ же находится „голубой элементъ“? Въ моей головѣ? Нѣтъ, голубой элементъ въ видѣ голубого цвѣтка находится, напр., въ клумбѣ цвѣтовъ, рядомъ съ другими цвѣтами, и этотъ элементъ я вижу изъ окна. Значитъ, и „ощущеніе голубого“ находится въ клумбѣ цвѣтовъ; для лицъ, привыкшихъ помѣщать ощущенія внутрь головы, это покажется чудовищнымъ, но замѣните „ощущеніе“ голубого — элементомъ или, что то же, скажите вмѣстѣ съ наивными реалистами, каковыми въ познаніи, за исключеніемъ гг. философовъ, являются сотни милліоновъ людей, населяющихъ землю,— что „голубое находится тамъ, гдѣ я его вижу“,—и дутая философская проблема исчезаетъ! Интересныя замѣчанія приводитъ Махъ изъ Геринга („Hermann's Handbuch der Physiologie“. Bd. III, s. 345). „Матеріалъ, говоритъ Герингъ, изъ котораго состоятъ видимыя вещи, составляютъ зрительныя ощущенія. Какъ видимая вещь, заходящее солнце есть плоскій кругообразный дискъ, состоящій изъ желтовато-краснаго, и, слѣдовательно, изъ зрительнаго ощущенія. Мы можемъ его поэтому и назвать кругообразнымъ

желтовато-краснымъ ощущеніемъ. Ощущеніе это мы имѣемъ именно тамъ, гдѣ солнце намъ является". Судя по моему опыту, — замѣчаетъ Махъ, „полученному изъ разговоровъ со многими людьми, я могу сказать, что большинству людей, не серьезно задумывавшихся надъ этими вопросами, такое воззрѣніе показалось бы прямо чудовищнымъ" (Анализъ ощущеній, стр. 32). И, однако, возьмите Маховское понятіе элемента-ощущенія, понятіе, которое характеризуетъ неразрывную опытную связь объекта и субъекта, причемъ „элементомъ" характеризуется эта связь въ ея отношеніи къ объекту, а „ощущеніемъ"—та же связь въ ея отношеніи къ субъекту, и вы увидите, что ничего чудовищнаго въ словахъ Геринга нѣтъ, т. к. сказать: ощущеніе солнца мы имѣемъ тамъ, гдѣ оно является, или сказать, что солнце тамъ, откуда оно показываетъ намъ свой дискъ, — рѣшительно одинаково.

Теперь должны быть понятны слова Маха, что ощущенія человѣка не находятся въ головѣ, а сама его голова вмѣстѣ съ ними занимаетъ одно пространственное поле. Близко подходитъ къ Маху и французскій психологъ А. Бинэ, что̀ въ предисловіи къ 5-му изданію „Analyse der Empfindungen" отмѣчаетъ и самъ Махъ. Бинэ, касаясь природы ощущенія, полагаетъ, что „la sensation est du nature mixte". Ощущеніе, съ одной стороны, какъ актъ сознанія — феноменъ психическій, съ другой, внѣ этихъ рамокъ, физическій феноменъ. Яснаго изложенія и пониманія „природы" ощущенія мы, однако, у Бинэ не находимъ, хотя у него и есть слѣдующія интересныя замѣчанія: „все, что только мы знаемъ о матеріальномъ, отнюдь не извѣстно намъ въ или чрезъ ощущеніе, но

содержитъ само ощущеніе; такъ, цвѣтъ мы знаемъ не при посредствѣ ощущенія, цвѣтъ есть ощущеніе“ (L'ame et le corps, p. 66)[1]).

Послѣднихъ выводовъ Бинэ не дѣлаетъ, но они ясны, съ точки зрѣнія концепціи Маха. Цвѣтъ есть физическій элементъ, когда я разсматриваю его внѣ отношенія къ субъекту, въ предѣлахъ физическаго изслѣдованія; принимая во вниманіе его освѣщающій источникъ свѣта, другія цвѣта, теплоты, пространства, цвѣтъ есть психологическій объектъ, ощущеніе, когда онъ изслѣдуется въ его отношеніи къ сѣтчаткѣ. „Различно въ этихъ двухъ случаяхъ не содержаніе, а направленіе изслѣдованія“ (Анализъ ощущеній, стр. 24).

Мы почти приближаемся къ концу нашей краткой защиты теоріи элементовъ-ощущеній. Читатель, можетъ быть, вспомнитъ, что наше изложеніе мы начали съ того, что выставили довольно грубое положеніе: „тѣла вызываютъ въ насъ тѣ или иныя ощущенія“ — положеніе, которое мы взяли изъ статьи А. Деборина. Развитіемъ и анализомъ этой основной посылки мы видоизмѣнили это положеніе и сдѣлали его болѣе точнымъ и болѣе тонкимъ. Мы пришли, такимъ образомъ, къ элементамъ и показали, что эти элементы съ психологической точки зрѣнія являются ощущеніями.

---

[1]) Совершенно правильно рѣшаетъ вопросъ о „мѣстопребываніи“ ощущеній утрехтскій проф. Т. Цигенъ. Ощущенія, говоритъ онъ, конечно, связаны зависимостью съ отдѣльными участками мозговой коры, но пространственно они отнюдь тамъ не помѣщаются. „Единственное мѣсто нашихъ ощущеній — это тамъ во внѣшнемъ мірѣ“ („Мозгъ и душа“, с. 51). Надъ этимъ весьма стоитъ подумать г-ну И. Д. изъ „Современнаго Міра“, который, учиняя „разносъ“ моей книги „Фил. построенія марксизма“, заявилъ, что такіе взгляды „просто безсмыслица“.

Если то, что называютъ „внутреннимъ міромъ“ человѣка, состоитъ изъ ощущеній и если, съ другой стороны, то, что называютъ „внѣшнимъ міромъ“, образуется изъ элементовъ, то теперь видно, что нѣтъ никакой зіяющей противоположности между „внутренимъ“ и „внѣшнимъ“. Содержаніе этихъ міровъ состоитъ изъ однородныхъ элементовъ, которые въ познаніи являются то физическими, то психическими въ зависимости отъ связи, отъ отношеній, въ которыхъ мы ихъ разсматриваемъ. Опытъ есть тѣсное взаимодѣйствіе, текучая связь объекта и субъекта. Фиксируя наше вниманіе на объектъ, данныя этой связи мы опредѣляемъ, какъ физическіе элементы; тѣ же данныя въ той же связи, при фиксированіи вниманія на субъектъ являются ощущеніями. „На этомъ пути мы не находимъ... пропасти между тѣлами и ощущеніями, между внѣшнимъ и внутреннимъ, между матеріальнымъ и духовнымъ міромъ. Всѣ элементы образуютъ только одну связанную во-едино массу“. (Махъ). Это глубокое монистическое воззрѣніе на міръ, въ нѣсколько другой формѣ, съ другой аргументаціей и въ другомъ освѣщеніи — мы находимъ и у „философа пролетаріата“ — І. Дицгена; и Э. Махъ (см. выше его письмо) соглашается, что теорія Дицгена о связи и взаимодѣйствіи элементовъ космоса близко подходитъ къ его воззрѣніямъ [1]).

---

[1]) См. изданія П. Г. Дауге. І. Дицгенъ. «Сущность головной работы», пер. Б. С. Вейнберга; его же переводъ «Экскурсіи соціалиста въ область теоріи познанія». Въ этомъ же изданіи «Аквизитъ философіи», новый переводъ съ приложеніемъ статьи П. Дауге: „Г. Плехановъ и І. Дицгенъ“, въ которой дается отповѣдь г. Плеханову за его „критику“ Дицгена.

Между прочимъ, любопытно сравнить съ этимъ настоящимъ монизмомъ поддѣлку подъ него у Ортодоксъ. Монизмъ Авена-

Мы можемъ снова возвратиться къ А. Деборину. Пусть читатель теперь оцѣнитъ, какъ совсѣмъ былъ „близокъ“ къ истинѣ нашъ „критикъ“, когда на основаніи тезы „тѣла состоятъ изъ элементовъ (ощущеній)“, глубомысленно вывелъ, что, по Маху, значитъ, все находится въ головѣ, „внѣ которой ничего реальнаго нѣтъ“. „Epistola non erubescit“— очевидно разсуждалъ А. Деборинъ. Бумага все выдержитъ, выдержитъ она и Деборинскіе фокусы и сказку о солипсизмѣ Маха, которую онъ разсказываетъ въ своемъ фельетонѣ. Бумага все выдержитъ, поэтому отчего бы не заявить, что махизмъ „въ качествѣ философіи субъективизма и индивидуализма образуетъ въ сочетаніи съ ничшевскимъ имморализмомъ, дающимъ оправданіе „зла“, эксплуатаціи и пр., — идеологиче-

---

ріуса и Маха, пишетъ она, основанъ „на тождествѣ физическаго и психическаго“, но „истинный научный монизмъ заключается въ признаніи единаго міра опыта, единства физическаго и психическаго“ („Соврем. міръ“). Это только фраза и болѣе ничего! И эту фразу Ортодоксъ пустила въ оборотъ послѣ того, какъ Плехановъ въ „Основныхъ вопросахъ марксизма“ открылъ, что „матеріализмъ признаетъ единство субъекта и объекта, но вовсе не тождество ихъ“ (с. 22). Если Плехановъ этимъ хочетъ сказать, что субъектъ, находясь въ опредѣленной средѣ („объекта“), отнюдь не тожественъ съ послѣднею и не покрываетъ ее, то это такая истина, о которой говорить даже не стоитъ. Но выясняется ли этимъ соотношеніе между тѣмъ, что мы называемъ физическимъ и психическимъ? Вмѣсто отвѣта г. Плехановъ ссылается на Фейербаха, который де „хорошо выяснилъ“, что нужно признавать единство, а не тождество субъекта и объекта. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что ссылка Плеханова на Фейербаха ничего не стоитъ, ибо вотъ что говоритъ Фейербахъ. „Въ психологіи субъектъ и объектъ тождественны, въ физіологіи различны“, „тождество субъекта и объекта, въ которомъ мы только что указали сущность психологіи, въ особенности примѣнимо къ мозговому акту и акту мысли“ (см. „О дуализмѣ и безсмертіи“ с. 10 — 12).

скій туманъ, окутывающій практическія стремленія буржуазіи"? Отчего бы Маха не поставить на одну доску съ Ничше? Какое Деборину дѣло до того, что Махъ съ ужасомъ отмахивается руками „отъ идеала безстыднаго „сверхчеловѣка" Ничше, котораго люди терпѣть не могутъ и, надѣюсь, не будутъ терпѣть". (Анал. ощущ., стр. 30)? Почему бы также не назвать философію Маха—индивидуализмомъ? Читавшіе Маха на это скажутъ: философія Маха не индивидуалистична; Махъ придаетъ очень небольшое значеніе нашему „драгоцѣнному" я; онъ „растворяетъ" его, какъ хорошо выразился г. Д. Викторовъ („Вопросы философіи и психологіи"), въ элементахъ космоса. Онъ полагаетъ, что индивидуалистическія перегородки сознанія постоянно „ломаются" содержаніями общаго характера и что дѣло „художниковъ, изслѣдователей, изобрѣтателей, соціальныхъ реформаторовъ и т. д."—не замыкаться въ рамкахъ эгоцентрической идеи „я", а выходить изъ нея, способствуя жизни соціальной — безличной. (См. у Маха критику индивидуализма. Анализъ ощущеній, стр. 12, 20, 21, 24, 25, 29, 30).

„Критиканствующему", а не критикующему Деборину до этого нѣтъ дѣла, ибо разъ, какъ это уже показано выше, съ его стороны возможны передержки Авенаріуса, почему бы не передернуть и у Маха? Здѣсь нѣтъ также необходимости слѣдить, какъ, съ помощью различнаго рода фокусовъ, Деборинъ приходитъ къ тому, съ позволенія сказать, соціологическому выводу, что на русской почвѣ махизмъ есть идеологія „радикальнаго слоя буржуазіи" и... „философія большевизма", идеологическимъ выразителемъ котораго, прибавимъ отъ себя, является Н. Ленинъ, тотъ самый Ленинъ, который, будучи ярымъ поклонникомъ плеханов-

скаго матеріализма, третируетъ „махизмъ“ какъ „схоластику“ и „дребедень“. Я не буду слѣдить за комичной и полной чрезмѣрныхъ натяжекъ соціологической аргументаціей А. Деборина, хотя долженъ замѣтить, что я, по всей вѣроятности, никогда не пойму, почему признавать глубокую, базирующуюся на всѣхъ данныхъ науки, философію Маха — значитъ ясно обнаруживать „нутро“ мелкаго буржуа и почему признаніе рахметовскихъ, деборинскихъ и пр. невѣжественныхъ фельетоновъ даетъ человѣку право быть „настоящимъ марксистомъ“ и „истиннымъ идеологомъ пролетаріата“. Если бы между невѣжествомъ и марксизмомъ существовала та связь, которую ему приписываетъ Деборинъ, мы не колеблясь должны были бы сказать: долой марксизмъ! Мы этого не говоримъ, прекрасно зная, что одно дѣло — деборинскія писанія, другое дѣло — марксизмъ, каковъ онъ есть и — что важнѣе — какимъ онъ долженъ быть, развивая свою научно-критическую сущность. Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Деборинъ упрекаетъ махизмъ, что онъ смѣшиваетъ чувственныя ощущенія съ самой дѣйствительностью и предметъ воспріятія отожествляетъ съ воспріятіемъ предмета. Основу этого обвиненія составляютъ два корня: съ одной стороны, полное непониманіе природы ощущенія, которое рисуется нашимъ матеріалистамъ, какъ „нѣчто“, находящееся въ головѣ, какъ какое-то свойство мозга; съ другой стороны, явное тяготѣніе къ метафизической, т.-е. сверхъопытной идеѣ „вещи въ себѣ“, какъ нѣкоторой субстанціи, которая вызываетъ въ насъ „явленія, то-есть представленія, существующія лишь въ моемъ сознаніи“ (Плехановъ. Кр. н. кр., с. 199). Если бы Деборинъ сказалъ, что нельзя отожествлять „представленіе“,

какъ существующее „лишь въ моемъ сознаніи“, съ предметомъ воспріятія, спорить не пришлось бы: онъ былъ бы правъ. Но было бы грубой ошибкой за міромъ чувственныхъ ощущеній постулировать какую-то особую реальность, якобы составляющую основу дѣйствительности, и эту дѣйствительность второго порядка въ нашемъ познаніи противопоставлять чувственнымъ ощущеніямъ. Это значило бы метафизически удваивать дѣйствительность, такъ какъ, когда мы испытываемъ опытъ, когда мы входимъ въ связь съ объектомъ, ощущеніе цѣликомъ покрываетъ собою дѣйствительность и выражаетъ эту дѣйствительность. Вспомнимъ, что говоритъ Бинэ: мы узнаемъ голубой цвѣтъ не при посредствѣ ощущенія, а голубое само есть ощущеніе. Это ощущеніе покрываетъ собою элементъ голубого и цѣликомъ совпадаетъ съ нимъ. На этомъ долго останавливаться не приходится, объ этомъ уже говорилось выше: объектъ и субъектъ входятъ въ координацію, благодаря этому отношенію мы узнаемъ дѣйствительность, она характеризуется ощущеніями, которыя, какъ „элементы“, и являются самой дѣйствительностью. Иного способа познать дѣйствительность, кромѣ ощущеній, мы не имѣемъ. Можетъ быть, міръ для улитки, для обезьяны не таковъ, какимъ онъ является въ нашемъ опытѣ; но познавая улитку, обезьяну и, допустимъ даже, ихъ „міръ“,—мы все равно не выходимъ изъ нашихъ ощущеній, изъ нашей связи съ объектомъ, и выйти не можемъ. Поэтому содержаніе нашего воспріятія, совокупность ощущеній совершенно покрываетъ для насъ воспринимаемый предметъ: предметъ есть совокупность, комплексъ ощущеній, ощущеніями исчерпывается для насъ природа вещи и если, какъ правильно обмолвился Плехановъ, совершенно несостоятельно ходячее проти-

вопоставленіе свойствъ вещи ея природѣ, то столь же несостоятельно подобное же противопоставленіе вещи, предмета — ощущеніямъ [1]). Но Деборинъ думаетъ иначе: ощущенія не покрываютъ, по его мнѣнію, предмета. За „предѣлы“ воспріятій и представленій (представленія онъ употребляетъ въ смыслѣ ощущеній) онъ помѣщаетъ поэтому нѣчто, что „должно быть качественно отлично отъ воспріятій и представленій“. Что же это такое? Великій Иксъ, „Grande Cause Provocatrice“, Непознаваемое Нѣчто. Это попросту, переводя на другой языкъ, старый знакомецъ и добрый пріятель всѣхъ идеалистическихъ и метафизическихъ домовъ — это тотъ же Абсолютъ. Вотъ къ чему приводитъ критика „махизма“! За чувственнымъ, ощущаемымъ эмпирическимъ міромъ, наши мистическіе матеріалисты помѣщаютъ другой, „качественно отличный“ міръ, значитъ міръ потусторонній, интеллигибельный, который доступенъ только вѣрѣ и который всегда считался мѣстопребываніемъ абсолюта. Чтобы избѣжать „солипсизма“ и прочихъ опасностей, якобы вытекающихъ изъ теоріи элементовъ-ощущеній, люди приходятъ къ тому, что подпираютъ міръ абсолютомъ. Въ качествѣ подпорки для вещей они, сами того не вѣдая, выводятъ на сцену „das Unbewusste“ — то, что выходитъ за предѣлы ощущеній, т.-е. за предѣлы нашей связи съ объектомъ и „качественно отлично“ отъ ощущеній. [2]) Такъ какъ выйти за предѣлы

---

[1]) См. примѣчанія Плеханова къ Энгельсу. Загр. изд., стр. 101. Это не мѣшаетъ, впрочемъ, г. Плеханову въ полемикѣ съ К. Шмидтомъ написать, что „ощущенія, вызванныя въ субъектѣ дѣйствіемъ на него объекта, совсѣмъ не похожи на этотъ послѣдній“. (Критика нашихъ критиковъ, стр. 119).

[2]) Позволю себѣ здѣсь еще разъ отмѣтить превосходную статью В. Базарова въ сборникѣ „Очерки по философіи

ощущеній мы не можемъ даже въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ Деборинымъ и г. Вяч. Ивановымъ станемъ на точку зрѣнія „мистическаго воспріятія міра“; и такъ какъ, далѣе, что прекрасно выясняетъ I. Petzoldt — мы никогда, даже при помощи точнѣйшихъ инструментовъ не сумѣемъ открыть въ вещахъ какую-либо часть ихъ, не обладающую качествомъ (ощущеніемъ), т.-е. часть, которая была бы качественно неопредѣлима и которая въ то же время была бы основой всѣхъ остальныхъ частей вещи“ („Weltproblem von positiwistischen Standpunkt aus, s. 27),—то, замѣтя это, на этомъ съ деборинской философіей и покончимъ. И, кончая, припомнимъ заключительныя слова письма Маха: „реакція противъ старой философіи носится въ воздухѣ и она пробьется, несмотря на сильное противодѣйствіе“! Метафизическія системы матеріализма и идеализма отжили свой вѣкъ! Рождается дѣйствительно научная философія, и рано или поздно, въ этомъ я твердо увѣренъ, марксизмъ соединится съ нею, вопреки тѣмъ господамъ, которые препятствуютъ этому соединенію, полагая, что вѣчная истина философіи находится въ ихъ „Sacra Scriptura“ и никакимъ рокомъ не можетъ быть отмѣнена.

марксизма“, который ясно показываетъ, что неспособность и нежеланіе познать свою мистическую природу составляетъ характерную черту того матеріализма, что развиваетъ Плехановъ и К°.

Э. Махъ. Объ отношеніи физики къ психологіи [1]).

(Съ разрѣшенія автора, переведено Н. Валентиновымъ).

1. Прежде чѣмъ отвѣтить на сдѣланное мнѣ любезное приглашеніе изложить здѣсь мои взгляды на отношеніе физики къ психологіи [2]), я долженъ подчеркнуть, что я не философъ, не психологъ, но только физикъ. Вопросы, относящіеся къ теоріи познанія и методологіи, вотъ что принудило меня обратиться къ психологіи и, въ особенности, къ тѣмъ ея областямъ, которыя имѣютъ особо важное значеніе для физики, я хочу сказать къ физіологіи органовъ чувствъ. Такъ приведенъ я былъ къ тому, чтобъ попытаться произвести насколько возможно дальше анализъ ощущеній. Я лучше всего дамъ понять философскую точку зрѣнія, къ которой я пришелъ,—а это и есть единственная цѣль этой работы, — указывая на порядокъ моихъ занятій, существенно способствовавшій ея опредѣленію. Съ раннихъ лѣтъ мое наивное воззрѣніе на міръ было расшатано „Пролегоменами“ Канта. Чтеніе этого произведенія дало толчекъ моему критическому мышленію. Я прежде

[1]) Изъ «L'Année psychologique» pub. par A. Binet, douzième année.

[2]) Рѣчь идетъ о приглашеніи редакціи «L'Année psychologique».

всего принужденъ былъ признать недостижимую „вещь въ себѣ“ за естественную, правда, и инстинктивную иллюзію, но иллюзію праздную и даже опасную и, такимъ образомъ, вернуться къ точкѣ зрѣнія Беркли, которая въ скрытомъ видѣ находится у Канта, а потомъ—къ взглядамъ Юма. И, въ самомъ дѣлѣ, я твердо убѣжденъ въ томъ, что Кантъ обнаруживаетъ замѣтный шагъ назадъ по сравненію съ Беркли и Юмомъ, мысль которыхъ была, несомнѣнно, послѣдовательнѣе. Мои работы по физикѣ и изслѣдованія по исторіи физики научили меня, что эта наука имѣетъ своей настоящей цѣлью открыть отношенія зависимости между данными чувственнаго наблюденія и что понятія и теоріи физики являются лишь простымъ средствомъ выполнить эту цѣль, осуществляя экономію мышленія. Всякое метафизическое толкованіе физики тогда исчезло для меня. Опытъ математической психологіи Гербарта, слишкомъ схематичный, правда, и недостаточно считавшійся съ физіологическими фактами, подсказалъ мнѣ и въ другой области аналогичный идеалъ: установить отношенія зависимости, въ которыхъ находятся другъ къ другу данныя нашего представленія. Блестящій прогрессъ біологическихъ наукъ и развитіе теоріи эволюціи не замедлили измѣнить эту точку зрѣнія и привели меня къ мысли разсматривать всю психическую жизнь въ цѣломъ и, въ частности, научную работу, какъ видъ органической жизни. Чисто экономическая цѣнность, которую я приписываю теоріямъ, и въ то же время, позиція, занятая мною по отношенію къ метафизикѣ, находятъ свое глубокое оправданіе въ біологическихъ требованіяхъ. Охватить на почвѣ точныхъ изысканій, съ возможно большей экономіей мысли, взаимную зависимость внѣшняго и внутренняго опы-

та человѣка, — такимъ сталъ тогда идеалъ науки, взятой въ цѣломъ. Этотъ идеалъ, безъ сомнѣнія, очень близокъ къ идеалу Конта, хотя этотъ философъ и придавалъ относительно малое значеніе психологическимъ изслѣдованіемъ. Ни одна изъ идей, о которыхъ здѣсь будетъ итти рѣчь, не является моей исключительной собственностью; болѣе того, я полагаю, что самое согласованіе этихъ идей можно представить какъ продуктъ общаго развитія цивилизаціи.

2. Каждый человѣкъ, пробуждаясь къ сознательной жизни, открываетъ въ себѣ готовое міровоззрѣніе, для выработки котораго онъ ничего не приноситъ, и даже наоборотъ, которое онъ принимаетъ, какъ вещь непосредственно понятную, какъ даръ природы и цивилизаціи. Это воззрѣніе выработалось подъ давленіемъ практической жизни; чрезвычайно цѣнное въ этомъ отношеніи, оно неизгладимо (ineffaçable) и никогда не перестаетъ практически воздѣйствовать насъ, каковы бы ни были позднѣе принимаемые нами философскіе взгляды. Въ чемъ же заключается это понятіе о мірѣ? Я нахожу себя (je me trouve) [1]) въ пространствѣ, окруженнымъ различными, движущимися въ пространствѣ тѣлами. Одни изъ этихъ тѣлъ „неодушевлены“ (inanimés), другія — растенія, животныя, люди. Мое тѣло, также движущееся въ пространствѣ, является для меня чѣмъ-то видимымъ, осязаемымъ, однимъ словомъ, чувственно воспринимаемымъ объектомъ, который занимаетъ часть поля чувственно воспринимаемаго простран-

---

[1]) Въ тѣхъ же самыхъ словахъ Махъ характеризуетъ естественное понятіе о мірѣ въ «Erkenntnis und Irrtum», см. главу «Philosophisches und naturwissenschaftliches Denken». Стр. 1—18. (Примѣчаніе переводчика).

ства и находится рядомъ и внѣ другихъ тѣлъ такъ же, какъ и они. Если не касаться индивидуальныхъ отличій, то мое тѣло отличается отъ другихъ тѣлъ тѣмъ, что прикосновеніе къ нему сопровождается особенными ощущеніями, которыхъ я не наблюдаю при соприкосновеніи съ другими тѣлами. Мало того, мое тѣло для меня не такъ полно видно, какъ тѣла другихъ людей. Непосредственно я могу видѣть лишь очень малую часть моей головы. Кратко говоря, мое тѣло представляется мнѣ совершенно въ другой перспективѣ, чѣмъ всѣ другія тѣла. То же самое можно сказать не только про чувство осязанія, но и про другія чувства. Такъ, свой собственный голосъ, какъ этому меня учитъ фонографъ, я слышу инымъ образомъ, чѣмъ голосъ другихъ людей. Я открываю далѣе въ себѣ воспоминанія, надежды, заботы, побужденія, желанія, хотѣнія и пр., въ которыхъ я такъ же мало повиненъ, какъ въ присутствіи тѣлъ, окружающихъ меня. Съ этими хотѣніями связаны движенія опредѣленнаго тѣла, которое чрезъ это и чрезъ все то, о чемъ я только что упоминалъ, и узнается, какъ мое тѣло.

3. При наблюденіи другихъ человѣческихъ тѣлъ, сильная, неопредолимая аналогія (une analogie puissante, irrésistible), наряду съ потребностями практики, приводитъ меня къ предположенію, что воспоминанія, надежды, опасенія, побужденія, желанія, хотѣнія связаны съ другими тѣлами такимъ же образомъ, какъ испытываемыя мною воспоминанія, надежды и пр. связаны съ моимъ тѣломъ. Поведеніе другихъ людей, далѣе, принуждаетъ меня допустить, что мое тѣло и другія тѣла имъ даны такъ же непосредственно, какъ мнѣ даны ихъ и другія тѣла и, наоборотъ, мои воспоминанія и желанія существуютъ для нихъ

лишь въ силу непреодолимаго заключенія по аналогіи, совершенно такъ же, какъ для меня ихъ воспоминанія и ихъ желанія. Совокупность того, что въ пространствѣ дано непосредственно для всѣхъ,— обычно называется физическимъ; наоборотъ, то, что̀ дано непосредственно лишь одному и что̀ доступно всѣмъ другимъ лишь въ силу аналогіи,— психическимъ. Данное лишь одному называютъ также его „Я“ (въ тѣсномъ смыслѣ слова). Въ этомъ-то противопоставленіи и заключается естественный корень дуализма, какимъ его представилъ Декартъ.

Самыхъ простыхъ опытовъ достаточно, чтобы допустить существованіе внѣ меня міра, такъ же, какъ и существованіе внѣ меня другихъ „я“; это знаніе вполнѣ отвѣчаетъ первоначальнымъ біологическимъ потребностямъ и позволяетъ человѣку сообразно съ этимъ поступать и существовать въ мірѣ. Но уже повседневный опытъ заставляетъ насъ послѣдовательно модифицировать это воззрѣніе на міръ и понемногу измѣнять его все болѣе и болѣе тонкой критикой. Окружающія насъ тѣла далеки отъ того, чтобъ быть данными такъ непосредственно, какъ это кажется съ перваго взгляда. Мы видимъ тѣла лишь въ присутствіи тѣла, обладающаго собственнымъ свѣтомъ, и эти тѣла обнаруживаютъ свой обычный цвѣтъ лишь при солнечномъ освѣщеніи. Я слышу колоколъ, только если колеблется языкъ. Я слышу запахъ розы, если вѣтеръ приноситъ мнѣ ея ароматъ. Я ощущаю вкусъ сахара только тогда, когда онъ растворяется на моемъ языкѣ. Чтобы осязать камень, мнѣ нужно къ нему притронуться. Такимъ образомъ, способъ, которымъ мнѣ даются окружающія тѣла, зависитъ отъ другихъ тѣлъ, также данныхъ мнѣ. И среди этихъ другихъ тѣлъ тѣ, которыя составляютъ мой

организмъ, имѣютъ для меня особо важное значеніе. Солнечнаго свѣта еще недостаточно, чтобы сдѣлать тѣла видимыми; нужно, чтобы мой глазъ, обращенный къ этимъ тѣламъ, былъ открытъ и не былъ слѣпымъ. Чтобы слышать звенящій колокольчикъ, мое ухо должно быть здоровымъ. Рука должна обладать чувствительностью, чтобы осязать камень. То же самое, mutatis mutandis, можно сказать и про организмъ каждаго. Такимъ образомъ, обычный человѣкъ видитъ себя принужденнымъ измѣнять и постояно улучшать свое понятіе о мірѣ, хотя бы цѣлью его при этомъ отнюдь не было чистое знаніе, и онъ довольствовался бы имѣть только такое міровоззрѣніе, которое было бы выгодно ему въ различныхъ жизненныхъ обстоятельствахъ. Наука, всегда имѣя своею отправной точкой обычные опыты, расширяетъ ихъ, собираетъ, что найдено въ той или иной области болѣе или менѣе значительнаго, и для общаго пользованія превращаетъ все это въ связное и логичное цѣлое, наука, которая имѣетъ своею прямой цѣлью — познаніе, ограничивается тѣмъ, что идетъ тѣмъ же самымъ путемъ, на который инстинктивно вступаетъ каждый человѣкъ по собственному почину. Наука открываетъ отношенія зависимости цвѣта тѣлъ отъ характера падающаго свѣта и отъ физіологическихъ и патологическихъ состояній сѣтчатки глаза. Наше воспріятіе звона колокола зависитъ отъ его формы, отъ полученныхъ имъ колебаній, но также и отъ уха и отъ проводящей среды между колоколомъ и ухомъ. Такъ же обстоитъ дѣло и съ другими чувствами.

4. Если мы расширимъ и болѣе точно, какъ мы это только что показали, опредѣлимъ опытъ, то уже нѣтъ возможности безъ оговорокъ согласиться съ взглядомъ, что существуетъ общій для

всѣхъ міръ, непосредственно всѣмъ данный. Мы должны, по крайней мѣрѣ, признать, что этотъ общій міръ является каждому въ немного различномъ видѣ, смотря по индивидуальности организма. Мало того, бываетъ, что одно изъ нашихъ чувствъ, напримѣръ, зрѣніе, показываетъ намъ міръ несогласованнымъ съ показаніемъ другого чувства— напр., осязанія [1]). Иногда даже, міръ не представляется одинаковымъ для праваго и лѣваго глаза [2]). Въ исключительныхъ случаяхъ, и различныя чувства одновременно представляютъ индивиду міръ, которому другіе люди остаются чуждыми. Мы говоримъ тогда о галлюцинаціяхъ. Далѣе, органъ зрѣнія, напримѣръ, можетъ находиться самъ по себѣ въ состояніи возбужденія, которое обыкновенно имѣетъ мѣсто только подъ вліяніемъ свѣта, идущаго отъ тѣлъ. Такимъ образомъ, то, что мы называемъ нашимъ міромъ есть прежде всего и исключительно продуктъ дѣятельности нашихъ органовъ чувствъ. Этотъ продуктъ, безъ сомнѣнія, въ большинствѣ случаевъ является лишь послѣднимъ звеномъ въ цѣпи необходимыхъ зависимостей, другой конецъ которой находится внѣ нашихъ органовъ чувствъ. Однако, есть рядъ особыхъ случаевъ, когда индивидуумъ, безъ помощи ближняго, не способенъ опредѣлить, до какого пункта отъ конечнаго звена отходитъ эта цѣпь. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ нашемъ организмѣ, такъ же, какъ и во всякомъ другомъ тѣлѣ, части находятся въ самыхъ тѣсныхъ взаимныхъ

---

[1]) Палка, опущенная въ воду, представляется нашему глазу изогнутой, тогда какъ наощупь она остается такой же прямой, какъ и раньше. Это простой примѣръ несовпаденія зрительнаго образа съ осязательнымъ. (Примѣчаніе переводчика).

[2]) Такъ, напримѣръ, мой лѣвый глазъ болѣе зорокъ, тогда какъ правый глазъ лучше схватываетъ цвѣта спектра.

отношеніяхъ. Предположимъ, что какая-нибудь часть тѣла согрѣлась отъ непосредственно сосѣдней части; болѣе или менѣе длинная цѣпь посредствующихъ звеньевъ, благодаря которымъ нагрѣлась эта часть,—этимъ еще совсѣмъ не опредѣляется. И тѣмъ не менѣе исключительно на разсмотрѣніи этого конечнаго звена и построено столько чудовищныхъ идеалистическихъ и солипсистическихъ системъ. Эти системы ограничиваютъ наше знаніе предѣлами нашего собственнаго сознанія: остальной міръ со всѣми другими людьми дѣлается для насъ недоступнымъ и непознаваемымъ.

5. Дѣйствительно, былъ бы весьма страннымъ тотъ опытъ, который разрушалъ бы себя собственнымъ ограниченіемъ объема и который не сохранилъ бы отъ всего внѣшняго міра, т.-е. отъ вещей внѣ нашего организма ничего, кромѣ предположенія, что это недоступные фантомы. — Попробуемъ прослѣдить доводы этой странной концепціи. Ни одна наука не могла бы принять инстинктивныхъ понятій въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ намъ даетъ обычная жизнь. Она обязана освѣщать послѣднія критикой и выяснять тѣ элементы, изъ которыхъ они состоятъ. Вещи, находящіяся въ пространствѣ вокругъ меня, зависятъ другъ отъ друга. Намагниченная иголка перемѣщается, какъ только къ ней приближаютъ другой магнитъ. Тѣло нагрѣвается около огня и охлаждается при соприкосновеніи съ кускомъ льда. Благодаря свѣту лампы, становится видимымъ помѣщенный въ темное мѣсто листъ бумаги. Поведеніе другихъ людей заставляетъ меня признать, что вещи въ этомъ отношеніи представляются имъ такъ же, какъ и мнѣ. Знаніе этихъ взаимныхъ зависимостей есть первое основаніе, которое ни одна философская те-

орія впредь не могла бы разрушить. Нужное для удовлетворенія практическихъ потребностей, оно не менѣе необходимо и съ точки зрѣнія теоретической, чтобы логически дополнять данныя, которыя существуютъ неполно. Когда я изучаю взаимныя отношенія тѣлъ, я могу смотрѣть на организмы людей и животныхъ, какъ на тѣла неодушевленныя, абстрагируя отъ результатовъ, къ которымъ я пришелъ по аналогіи. Зато я замѣчаю тотчасъ же, что среди тѣлъ, имѣющихъ вліяніе на то, что мнѣ дано, тѣ, которые образуютъ мой организмъ, играютъ совершенно особенную роль. Тѣло отбрасываетъ тѣнь на листъ бѣлой бумаги, но я одинаково могу увидѣть на бумагѣ подобное этой тѣни темное пятно, если раньше достаточно долго смотрѣлъ на блестящее тѣло.

Давая глазамъ соотвѣтствующее положеніе, я могу одно тѣло увидѣть двойнымъ, вмѣсто двухъ одинаковыхъ тѣлъ увидѣть три. Быстро повертываясь, я могу увидѣть неподвижными тѣ тѣла, которыя находятся въ движеніи, и, обратно, увидѣть въ покоѣ тѣла движущіяся. Когда я закрываю глаза, пропадаетъ весь мой видимый міръ. Соотвѣтствующія дѣйствія даютъ аналогичные результаты въ области осязательныхъ или термическихъ ощущеній. Но если мой ближній на своемъ собственномъ тѣлѣ производитъ тѣ же самыя испытанія, то данныя моего опыта отъ этого не претерпитъ измѣненій; тѣмъ не менѣе, я принимаю и уже по аналогіи принужденъ принять, что данныя его опыта испытываютъ вліянія, подобныя испытаннымъ мною. Итакъ, данныя каждаго наблюдателя зависятъ не только другъ отъ друга, но также своеобразнымъ образомъ и отъ организма наблюдателя. Знаніе этой двойной зависимости, этихъ двухъ родовъ зависимости,

является вторымъ существеннымъ результатомъ, который никакая философская спекуляція не можетъ отнять и не имѣетъ права упустить изъ виду.

6. Никогда не нужно упускать изъ виду предѣлъ нашего тѣла по отношенію къ тому, что̀ окружаетъ его. Мы обозначимъ этотъ предѣлъ чрезъ U. Ни одна теорія не заставляетъ насъ игнорировать этотъ предѣлъ и не отдавать себѣ отчета въ зависимости данныхъ нашего опыта въ отношеніи двухъ родовъ обстоятельствъ. Данныя, находящіяся внѣU зависятъ другъ отъ друга; но они зависятъ также и отъ данныхъ, находящихся внутри U. Изученіе внѣшнихъ U зависимостей (зависимостей физическихъ), несомнѣнно, много проще и болѣе разработано, чѣмъ знаніе зависимостей, переходящихъ предѣлъ U (зависимостей психофизіологическихъ). Но физіологія, все болѣе и болѣе опираясь на физику, достигнетъ достаточнаго развитія, чтобы полно объяснить субъективныя условія всего, что̀ дано въ опытѣ. Наивный субъективизмъ, который понимаетъ данныя различныхъ индивидуумовъ или одного и того же индивида при различныхъ обстоятельствахъ, какъ столько же случаевъ видимости и которой онъ противопоставляетъ мнимую, незыблемую, неизвѣстную ему реальность, отнынѣ непріемлемъ. Въ дѣйствительности же единственно, что намъ важно, такъ это полное знаніе всѣхъ условій какого либо даннаго; это только и имѣетъ для насъ практическій и теоретическій интересъ. Но для того, чтобы устранить обыденные, инстинктивно пріобрѣтенные взгляды, которые подъ самыми разнообразными масками находятъ себѣ кредитъ у философіи, — недостаточно ихъ просто замѣнить взглядами научно исправленными. Нужно обнаружить ихъ психологическій ко-

рень, иначе они всегда будутъ получать все новую и новую силу.

Какимъ же образомъ тогда даже въ жизни профанъ различаетъ вещь и явленіе этой вещи? Когда мы думаемъ о какой-нибудь вещи, напримѣръ, объ орѣхѣ или говоримъ о немъ, мы обыкновенно имѣемъ дѣло не съ однимъ только наличнымъ, единичнымъ, чувственнымъ впечатлѣніемъ, но съ цѣлою связкою координированныхъ впечатлѣній. Эта связка въ сознаніи можетъ быть неясна, но она находится въ потенціальномъ состояніи и постоянно готова живо появиться въ сознаніи. Мы видѣли, что съ дерева упалъ небольшой зеленый шаръ; мы нашли, что онъ покрытъ свѣтло-коричневой скорлупой, въ которомъ находится вкусное и съѣдобное ядро. Если подъ деревомъ мы встрѣтили бы теперь шаръ, подобный предыдущему, то могутъ реализоваться всѣ ожиданія, которыя вызываетъ этотъ образъ. Но можетъ случиться, что зеленый шаръ окажется другимъ подобнымъ плодомъ или шаромъ искусственнымъ, напримѣръ, изъ глины. Или можетъ быть также, что снявъ зеленую оболочку и сломавъ твердую скорлупу, мы не найдемъ внутри ядра. Такимъ образомъ, словомъ орѣхъ указывается цѣлая связка впечатлѣній, координированныхъ отношеніями зависимости однихъ отъ другихъ, связка, которую мы распознаемъ изъ тѣхъ или иныхъ ея отдѣльныхъ впечатлѣній меньшаго значенія и которыхъ недостаточно, чтобы опредѣлить комплексъ въ его цѣломъ. Мы называемъ сѣрою желто-палевое тѣло, которое при горѣніи выдѣляетъ удушливый газъ ѣдкаго запаха (сѣрнистый ангидридъ), которое, соединяясь съ ртутью, даетъ красное тѣло (киноварь) и т. д. и относимъ каждый частный феноменъ ко всему комплексу феноменовъ.

Если бы кошка могла философствовать, она бы также отличала мышь отъ шума или маленькаго сѣраго пятна въ движеніи, привлекшаго ея вниманіе.

Такимъ образомъ, вещь есть образованіе интеллекта (комплексъ представленій или научное понятіе); явленіе (феноменъ), наоборотъ есть порожденіе органовъ чувствъ, оно можетъ соотвѣтствовать интеллектуальному построенію, совпадать съ нимъ, подтверждать связанныя съ послѣднимъ ожиданія или совершенно ихъ не оправдывать. Этихъ примѣровъ достаточно. Видѣть въ вещи болѣе чѣмъ связное цѣлое чувственныхъ опытовъ, фиксированныхъ мыслью, абсолютно праздно, излишне и ложно.

Быть можетъ, подумаютъ еще о будущихъ опытахъ, связанныхъ съ тѣми, которые уже пережиты. Но, вѣдь, тамъ, гдѣ кончается опытъ, вещь теряетъ свое значеніе. Могутъ возразить еще, что вещь есть условіе чувственнаго возбужденія и что въ томъ случаѣ, если бы ея не было, мы имѣли бы дѣло съ чистыми галлюцинаціями. Но человѣкъ, даже изолированный, имѣетъ возможность распознать этотъ исключительный случай; онъ въ состояніи контролировать свои чувства одно чрезъ другія и узнавать, что галлюцинація,—какъ уже и сонъ, — обрываетъ регулярную нить жизни, къ которой онъ привыкъ, хотя ничто не дается ему непосредственно сверхъ чувственнаго возбужденія. Согласующіяся показанія другихъ людей, наконецъ, облегчаютъ эту критическую работу. И такъ какъ наука, являясь совокупностью систематизированныхъ опытовъ, есть въ итогѣ дѣло соціальное, для пользованія не одного, а всѣхъ, то эта взаимная критика всегда укажетъ границу. Но если бы всѣ люди находили у себя одинаковыя

галлюцинаціи, то мы не имѣли бы никакого средства узнать эти галлюцинаціи, какъ таковыя. Парадоксально выражаясь, что̀ однако не стало бы отъ того неправильнымъ, мы могли бы сказать, что наше представленіе и наше понятіе о внѣшнемъ мірѣ состоитъ изъ этихъ обычныхъ галлюцинацій, въ ихъ отношеніи правильной зависимости однѣхъ отъ другихъ.

7. Чувственныя возбужденія являются единственной, ничѣмъ не замѣщаемой основою нашего познанія міра; важно, поэтому, ближе изучить эти возбужденія. Явленія со всѣхъ сторонъ обрушиваются на первобытнаго человѣка. Онъ не имѣетъ ни времени, ни возможности распознавать, что̀ приходитъ къ нему тѣмъ или инымъ нервнымъ путемъ. Дерево съ его крѣпкимъ, темнымъ стволомъ, его безчисленныя, колеблемыя вѣтромъ вѣтви, гладкіе, блестящіе листья, — все это съ перваго взгляда является намъ какъ бы нераздѣльнымъ цѣлымъ. Также мы считаемъ за о д н у вещь золотистый, сладкій, круглый плодъ и свѣтлый, жаркій огонь съ его колеблющимися языками пламени. Однимъ именемъ обозначается все: слово однимъ взмахомъ тянетъ изъ глубинъ забвенья цѣпь связанныхъ съ нимъ воспоминаній. Таковы первыя наблюденія и первыя представленія, образующіяся у человѣка: вещи — это, значитъ, извѣстные комплексы явленій, которые образуются при содѣйствіи самыхъ различныхъ чувственныхъ возбужденій и представляются въ относительномъ постоянствѣ.

8. Болѣе богатый опытъ не замедливаетъ научить, что нѣкоторыя части этихъ коплексовъ могутъ быть отдѣлены отъ другихъ.

Изображеніе дерева, плода или огня, отраженное въ зеркалѣ видимо; но оно не можетъ быть взято наощупь. Глядя въ другую сторону, мы мо-

жемъ трогать дерево, пробовать плодъ, согрѣваться около огня; ни одинъ изъ этихъ объектовъ мы не видимъ. Такъ раскалывается видимое единство вещи; части отдѣляются не только другъ отъ друга, но и отъ другихъ условій. Осязаемое отдѣляется отъ видимаго, отъ вкусового и т. д.

9. То, что̀ лишь видимо, прежде всего кажется намъ вещью. Но мы видимъ круглый желтый плодъ рядомъ съ желтымъ цвѣткомъ звѣздообразной формы; другой плодъ круглъ такъ же, какъ первый, но онъ краснаго или зеленаго цвѣта. Двѣ вещи, слѣдовательно, могутъ быть одного и того же цвѣта и различной формы, и обратно. Зрительныя ощущенія такимъ образомъ раздѣляются на цвѣтовыя и пространственныя. Такъ выдѣляется изъ вещи видимое, слышимое, осязаемое и т. д. Такимъ же способомъ видимое распадается на цвѣта и формы, а въ осязаемомъ мы различаемъ гладкость и шероховатость, съ съ одной стороны, тепло и холодъ съ другой. Послѣдовательный анализъ чувственныхъ возбужденій принадлежитъ наукѣ. Она разлагаетъ цвѣта на основные цвѣта, звуки—на тона и т. д.

Нѣтъ причинъ допускать, что, достигнувъ этого пункта, анализъ окончилъ бы свою работу. Всему, что̀ мы можемъ отвлечь изъ нашихъ чувственныхъ возбужденій, какъ форма, ритмъ, продолжительность, интенсивность, высота звука и т. д., повидимому соотвѣтствуетъ особое частичное возбужденіе. Абстрагировать—это значитъ схватывать общее въ различномъ. То, что̀ мы схватываемъ съ помощью абстракціи, конечно, существуетъ лишь въ терминахъ сравненія, но реальную основу имѣетъ въ чувственномъ возбужденіи.

10. Ведя, такимъ образомъ, насколько возможно далѣе анализъ, приходятъ къ частямъ, пока еще

неразлагаемымъ, къ элементамъ чувственнаго возбужденія, которые мы для большей простоты обозначимъ буквами A, B, C, D... Всѣ наши опыты, касающіеся „внѣшняго міра“, состоятъ исключительно изъ чувственныхъ возбужденій. Но то же самое слѣдуетъ сказать относительно всѣхъ опытовъ, касающихся нашего тѣла, хотя и не принято причислять органическія чувства къ чувственнымъ возбужденіямъ.

Кратко говоря, все содержаніе нашего сознанія слагается исключительно изъ возбужденій, исходящихъ изъ различныхъ частей нашего тѣла, и эти возбужденія имѣютъ своимъ источникомъ или другія части тѣла или то, что находится внѣ его. Всѣ опыты этого рода можно назвать ощущеніями. Рядомъ съ ними, мы имѣемъ еще представленія. Но если мы строго проанализируемъ наши даже самыя абстрактныя мысли, то найдемъ, что онѣ содержатъ въ себѣ непосредственно или по крайней мѣрѣ, въ возможности, элементы нашихъ чувственныхъ опытовъ, въ отдаленной отъ нихъ формѣ и въ новыхъ комбинаціяхъ. Одни и тѣ же элементы, такимъ образомъ, составляютъ основаніе всѣхъ нашихъ опытовъ. Въ различныхъ поляхъ чувственнаго наблюденія — зрительное и осязательное поля намъ наиболѣе привычны — мы находимъ чувственные элементы A, B, C, D и среди этихъ послѣднихъ элементы K, L, M... тѣ, что относятся къ нашему тѣлу. Вообще, каждый изъ этихъ элементовъ въ большей или меньшей степени зависитъ отъ другихъ. Поскольку какой-либо элементъ D (напримѣръ, бѣлизна листа бумаги) зависитъ отъ другого элемента A (свѣта лампы), находящагося внѣ моего тѣла (внѣшняго по отношенію къ U), мы говоримъ, что эта зависимость есть зависимость физическая

(принадлежащая къ внѣшнему міру) и называемъ элементы A, D физическими элементами. Поскольку же и только постольку, бѣлизна бумаги зависитъ отъ элемента M моего тѣла, напр. отъ состоянія сѣтчатки моего глаза и соопредѣлена послѣднимъ, — мы называемъ элементъ D ощущеніемъ, психическимъ элементомъ (принадлежащимъ къ внутреннему міру). Этотъ элементъ D исчезаетъ, если гаснетъ лампа и дѣлается краснымъ, если въ горѣніе вводятъ хлористый литій. Но D одинаковымъ образомъ исчезаетъ, когда сѣтчатка дѣлается невоспріимчивой и становится желтымъ, когда состояніе сѣтчатки измѣнено сантониномъ. Этимъ прекрасно оправдывается особое вниманіе къ элементамъ внутри U, которые насъ спеціально интересуютъ. Опираясь на существованіе этихъ двухъ особыхъ классовъ зависимостей, изъ которыхъ второй классъ для наблюдателя играетъ болѣе значительную и обширную роль, наблюдатель имѣетъ право противопоставить себя самого (свое тѣло, свое „я“) тому, что̀ окружаетъ его (внѣшнему міру), хотя бы онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что элементы A, B, C... одни только ему непосредственно и доступны. Въ дѣйствительности, граница U не есть граница сознанія, она проходитъ чрезъ сознаніе. „Я“ и внѣшній міръ отнюдь не являются метафизическими понятіями, это эмпирическія конструкціи. Представленія и понятія могли произойти только на почвѣ ранѣе пріобрѣтенныхъ опытовъ, и они имѣютъ своею цѣлью облегчать уму новые опыты и даже ихъ частично предвосхищать. Представленія и понятія безъ отношенія къ возможному опыту — не болѣе, какъ безполезныя и праздныя химеры. Въ этомъ пунктѣ я стою на точкѣ зрѣнія Канта, но только я

отношу „вещь въ себѣ“ къ числу этихъ химеръ. Элементы A, B, C... не должны быть разсматриваемы, какъ явленія, сопровождающія непознаваемую реальность; мало того, они-то и есть сущность міра, въ которомъ мы сами — часть, дающая намъ ключъ къ уразумѣнію всего остального. Принимать же другой порядокъ существованія, непознаваемый и недоступный, — совершенно излишне.

11. Спросимъ теперь, — какимъ представляется съ нашей точки зрѣнія физическій міръ? Если бы элементы A, B, C... не были подчинены никакому закону въ своихъ комбинаціяхъ и въ послѣдовательности, то мы не пришли бы къ представленію ни „я“, ни физическаго міра. Оставимъ на минуту наше тѣло въ сторонѣ.

Если какой-либо новый элементъ, напр., какая-нибудь красная вещь занимаетъ нѣкоторую часть зрительнаго поля, то обыкновенно случается такъ, что видимый образъ нашей руки, перемѣстившійся въ эту область зрительнаго пространства, встрѣчаетъ въ соотвѣтствующей области осязательнаго поля нѣчто осязаемое. То же самое происходитъ со слухомъ, вкусомъ, запахомъ. Зрительное возбужденіе, обыкновенно бываетъ связано съ одновременнымъ или послѣдующимъ возбужденіемъ другихъ чувствъ. Отношенія правильной зависимости, которыя наблюдаются между чувственными возбужденіями разнаго рода по отношенію другъ къ другу, — ведутъ къ представленіямъ матеріи и тѣла. Эти понятія, безъ сомнѣній, послѣ нѣкотораго размышленія могъ бы пріобрѣсти и изолированный человѣкъ. Наоборотъ, только наблюденіе надъ другими людьми (или животными) приводитъ къ убѣжденію, что чувственныя возбужденія человѣка находятся въ

отношеніи зависимости съ возбужденіями другихъ людей (или животныхъ), или иначе, что есть общій для всѣхъ физическій міръ.

12. Примѣръ, заимствованный изъ физики, дастъ лучше всего понять, какъ нужно представлять себѣ зависимость элементовъ въ ихъ отношеніи однихъ къ другимъ. Представимъ себѣ, что два тѣла одного и того физическаго строенія, но различной температуры u и ú, и расположены другъ отъ друга на разстояніи r, и что подъ вліяніемъ взаимнаго лучеиспусканія и проводимости обѣ температуры измѣняются въ t время. Опытъ учитъ, что зависимость температуры каждаго изъ этихъ тѣлъ отъ температуры другого, разстоянія и времени—можетъ быть выражена уравненіями вида—F (u, ú, r, t) = 0. Здѣсь излишне показывать, какъ получаются эти уравненія, которыя сводятся къ двумъ, если разсматриваются два тѣла, и спрашивать, произошли ли они изъ интеграціи дифференціальныхъ уравненій или изъ прямыхъ наблюденій. Одно только несомнѣнно, это то, что величины всѣхъ буквъ (перемѣнныхъ), находящихся въ уравненіяхъ, опредѣлены чувственными элементами. Величина r опредѣлена зрительнымъ совпаденіемъ концовъ линіи r съ двумя дѣленіями линейки; величины u и ú — совпаденіемъ термометрическаго столба съ дѣленіемъ скалы; величина t одновременностью термометрическихъ наблюденій съ извѣстными колебаніями маятника. Говоря кратко, весь физическій результатъ, весь физическій законъ сводится къ тому факту, что извѣстные чувственные элементы A, B, C... допускаютъ другіе элементы F, G, H..., или иначе, что эти послѣдніе опредѣлены первыми отношеніемъ зависимости или функціонально. Нѣкоторые читатели, возможно, спросятъ—могутъ ли дѣйствительно всѣ

чувственные элементы быть приведены къ пространственному и временному совпаденію, иными словами, быть доступными для измѣренія. Но многія изъ чувственныхъ качествъ, какъ цвѣта, звуки, могутъ быть характеризованы количественными признаками (длина волнъ, число колебаній) и для другихъ — также возможно числовое опредѣленіе. А болѣе ничего не нужно, чтобы предложеніе „одни чувственные элементы суть функція другихъ“ пріобрѣло общепонятное значеніе. Мы можемъ удержать это положеніе даже въ томъ случаѣ, если оно будетъ понято не въ буквальномъ, но лишь въ символическомъ смыслѣ.

13. Резюмируя, мы можемъ сказать: всѣ физическіе законы такъ же, какъ существованіе матеріи и тѣлъ, имѣютъ основою уравненія вида F (A, B, C...) = 0 между чувственными элементами, данными человѣку. Существованіе внѣшняго міра находитъ свое выраженіе въ уравненіяхъ между чувственными элементами, данными людямъ. Этимъ уравненіямъ мы можемъ придать форму F (A, B, C... A^1, B^1, C^1...) = 0, гдѣ значками мы обозначаемъ чувственныя данныя различныхъ людей, о которыхъ они намъ сообщаютъ.

14. Физики возразятъ, что чувственные элементы не входятъ, въ качествѣ таковыхъ, въ уравненія. Этотъ фактъ лишь показываетъ, что физика, связанная въ своемъ историческомъ развитіи съ обычными понятіями, рожденными біологическими потребностями, была естественно принуждена ихъ развивать въ эпоху, когда психофизіологическій анализъ чувствъ былъ слишкомъ мало разработанъ, чтобы было возможно предвидѣть другую точку зрѣнія. И все-таки никто не можетъ сомнѣваться, что количественные символы физики покоятся на чувственныхъ элементахъ. При отсут-

ствіи ощущеній, мы не могли бы образовать ни одного физическаго уравненія и одинаково безъ чувственныхъ представленій мы были бы неспособны придать этимъ уравненіямъ понятное значеніе. Если къ тому же сведеніе физики и психологіи къ чувственнымъ элементамъ, образующимъ основную базу какъ той, такъ и другой области, есть самое простое средство представить отношеніе этихъ двухъ наукъ, то было бы нелѣпою педантичностью предлагать физикѣ, въ угоду психологіи, отказаться отъ выгодъ той исторической точки зрѣнія, къ которой она пришла, и исходить, подобно психологіи, изъ элементовъ. Здѣсь достаточно показать, что это было бы возможно.

15. Чувственные элементы образуютъ также содержаніе и психической жизни. Вначалѣ она насколько возможно меньше отдаляется отъ чувственныхъ опытовъ, когда переноситъ ихъ въ представленія; но скоро въ ходѣ ея внутренняго развитія эти элементы вступаютъ въ новыя и совершенно другія отношенія. Біологическія потребности вынуждаютъ извлекать элементы и комплексы элементовъ изъ случайныхъ комбинацій, въ которыхъ они часто бываютъ даны въ чувственномъ опытѣ, и образовывать новыя, важныя для практики представленія. Чѣмъ болѣе дѣлаются богатыми и свободными созданія представленія, тѣмъ болѣе руководимые ассоціаціей, прогрессируютъ и анализы и синтезы. Такимъ образомъ, направленіе изслѣдованія въ физической и психической области — различно и, несмотря на тожественность въ обоихъ случаяхъ содержанія, предлагаемые вопросы различны. Незнаніе о тожественности содержанія и объ измѣненіи направленія изслѣдованія, которое рѣзко наступаетъ съ того момента, какъ

только перейдена граница U, сильно затемнило, на мой взглядъ, пониманіе отношенія между физикой и психологіей. Я хочу освѣтить этотъ пунктъ съ помощью очень простыхъ примѣровъ.

16. Физикъ наблюдаетъ обратное изображеніе на сѣтчаткѣ глаза и спрашиваетъ себя, какимъ образомъ происходитъ, что точка, находящаяся въ пространствѣ внизу, на сѣтчаткѣ, оказывается перенесенной вверхъ (Декартъ). Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ съ помощью діоптрическихъ изслѣдованій. Если же этотъ вопросъ, который совершенно умѣстенъ въ области физики, перенести въ психологію, онъ вызываетъ только неясности. Вопросъ, почему мы обратныя изображенія видимъ прямыми, какъ психологическая проблема, лишенъ всякаго смысла. Свѣтовыя ощущенія отдѣльныхъ частей сѣтчатки съ самаго начала связаны съ ощущеніями пространства, и мы говоримъ „на верху“ о мѣстахъ, которымъ соотвѣтствуютъ мѣста, расположенныя на сѣтчаткѣ внизу. Для ощущающаго субъекта такой вопросъ и явиться не можетъ.

17. То же самое можно сказать и объ извѣстной теоріи проекціи ощущеній. Физику принадлежитъ задача найти на продолженіи луча, проведеннаго чрезъ оптическій центръ глаза и чрезъ изображеніе на сѣтчаткѣ, ту свѣтящуюся точку, которая соотвѣтствуетъ изображенію на сѣтчаткѣ. Для ощущающаго субъекта, наоборотъ, такой проблемы не существуетъ, такъ какъ свѣтовыя ощущенія съ самаго начала связаны съ опредѣленными пространственными ощущеніями (глубины и длины). Теорія, которая разсматриваетъ внѣшній міръ, какъ результатъ психической проекціи ощущеній, основывается на ложномъ примѣненіи физической точки зрѣнія къ психо-физіологическимъ вопросамъ. Наши зрительныя и осязательныя ощуще-

нія связаны съ различными пространственными ощущеніями; это значитъ, что они находятся рядомъ другъ съ другомъ и одни внѣ другихъ; они помѣщаются въ одномъ пространственномъ полѣ, въ которомъ наше тѣло занимаетъ лишь часть. Ясно поэтому, что дерево, столъ, домъ находятся внѣ моего тѣла. Въ проблемѣ проекціи не оказывается содержанія и, слѣдовательно, нѣтъ мѣста спрашивать, какъ рѣшается она, сознательно или безсознательно.

Птолемей полагаетъ, что каждый разъ, какъ зрительныя оси конвергируютъ по направленію свѣтящейся точки: Videbitur ergo haec res una et in ipso loco quo est. Онъ, стало быть, видитъ въ отысканіи мѣста зрительнаго ощущенія лишь простое обращеніе геометрической и физической проблемы, которая заключается въ нахожденіи двухъ изображеній на сѣтчаткѣ, соотвѣтствующихъ опредѣленной свѣтящейся точкѣ.

Эта теорія по существу господствовала до опубликованія работъ Геринга. Онѣ насъ научили, что зрительное мѣсто опредѣлено физіологически изображеніями на сѣтчаткѣ по законамъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ теоріи проекціонныхъ линій.

18. Физикъ (Маріоттъ) къ удивленію своему открываетъ слѣпое пятно, какъ разъ въ томъ мѣстѣ сѣтчатки въ которомъ онъ предполагалъ мѣсто наиболѣе яснаго видѣнія.

Физикъ привыкъ, что каждой точкѣ пространства соотвѣтствуетъ изображеніе на сѣтчаткѣ и каждому изображенію — ощущеніе. Тогда онъ естественно спрашиваетъ себя: что же мы видимъ въ пространствѣ соотвѣтствующаго мѣсту слѣпого пятна? Какъ пополнился пробѣлъ? Достаточно исключить подобный типъ вопроса, который отно-

сится къ области физики и, слѣдовательно, здѣсь неумѣстенъ, чтобы найти, что проблема исчезаетъ. Мы ничего не видимъ на слѣпомъ пятнѣ; пробѣлъ ничѣмъ не заполняется, потому что онъ не существуетъ. Слѣпое мѣсто сѣтчатки такъ же, какъ слѣпая отъ природы кожа спины, не даетъ пробѣла въ полѣ зрѣнія.

19. Но недостаточно отдавать себѣ отчетъ въ измѣненіи, которое претерпѣваетъ направленіе изслѣдованія, переходя чрезъ предѣлъ U или даже соприкасаясь съ нимъ; нужно настаивать на тожественности содержанія физической и психической жизни (ощущенія). Этотъ фактъ тоже часто не признается и непризнаніе его объясняется просто. Когда физикъ, никогда не занимавшійся психологіей, устанавливаетъ, что электрическій токъ, силою въ 1 амперъ, выдѣляетъ въ минуту 10,5 куб. см. гремучаго газа температуры 0° Ц. и 760 м.м. давленія, онъ пользуется столь абстрактными понятіями, что забываетъ, въ ходѣ работы, многочисленные чувственные элементы, лежащіе въ основѣ его измѣреній, провѣрки аппаратовъ и т. д. Онъ склоненъ считать результаты своего изслѣдованія за нѣчто объективное, общей цѣнности, заслуживающее большаго довѣрія, чѣмъ отдѣльное ощущеніе.

Физіологъ изучаетъ организмъ человѣка или животнаго, какъ чистый физикъ или чистый химикъ. Но какъ только заключеніе по аналогіи приводитъ его къ мысли приписать ощущенія объекту его изслѣдованій, онъ воображаетъ себя покидающимъ осязаемое, объективное и отправляющимся въ область неизвѣстнаго и недоступнаго. Онъ не соображаетъ, что и физикъ постоянно употребляетъ аналогіи того же рода, когда разсматриваетъ луну, какъ осязаемую массу, хотя она схватывается толь-

ко зрѣніемъ, или когда приписываетъ проводнику, чрезъ который проходитъ электрическій токъ, всѣ особенности такого проводника, хотя бы въ этомъ онъ и не могъ удостовѣриться каждый разъ, а иногда даже и совсѣмъ не могъ провѣрить.

Какъ бы то ни было, натуралистъ разсматриваетъ область физическаго, которая ему болѣе извѣстна, какъ дѣйствительный міръ, и наоборотъ, ощущенія или вообще область психическаго,—какъ міръ совершенно чуждый и недоступный. Психологъ, покорный предразсудкамъ физики,— настолько біологическія потребности заставляютъ каждаго человѣка считаться съ физикой,— этотъ психологъ принимаетъ противоположность обоихъ разнородныхъ міровъ; но въ то время, какъ для физика психическій міръ кажется непостижимымъ, въ немъ психологъ какъ разъ и видитъ непосредственную данность и необходимый отправный пунктъ; обратно, съ принятой имъ философской точки зрѣнія, міръ физическій отодвигается для него на недоступную дистанцію. Быть можетъ, эти парадоксальные выводы неизбѣжны? Я этого не думаю. Къ тому же цѣль изслѣдованія въ обѣихъ областяхъ одинакова: установить уравненія вида $F(A, B, C...) = 0$ [1]).

---

[1]) Переводъ проредактированъ Н. В. Самсоновымъ.

Ф. Адлеръ. Открытіе міровыхъ элементовъ[1].

(Къ 70-лѣтію рожденія Э. Маха. Переводъ Н. Валентинова).

I. Абсолютно неизмѣняющіяся тѣла.

Въ Парижѣ, въ особомъ зданіи „Интернаціональнаго бюро вѣсовъ и мѣръ“ сохраняется основная мѣра протяженія — прототипъ метра. Стѣны этого зданія полыя, для протеканія жидкости опредѣленной температуры, чтобы сдѣлать постоянной теплоту помѣщенія, въ которомъ находится этотъ метровый масштабъ. Кромѣ того, чтобы предохранить метръ отъ измѣненія температуры, а, въ связи съ этимъ, и отъ измѣненія объема, онъ помѣщенъ въ особую ванну опредѣленной температуры. Послѣ многихъ пробъ онъ, наконецъ, сдѣланъ изъ сплава платины и иридія, которые, подобно другимъ благороднымъ металламъ, при обыкновенныхъ условіяхъ мало подвержены химическимъ измѣненіямъ и въ то же время обладаютъ большой твердостью. Твердость и особая приданная ему форма (въ поперечномъ разрѣзѣ онъ имѣетъ видъ креста) дѣлаютъ его въ меньшей

[1]) Изъ „Der Kampf“ (Sozialdemokratische Monatschrift, Februar 1908; 5 Heft). Махъ по поводу этой статьи отвѣтилъ, что она выражаетъ его взгляды.

степени доступнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ собственнаго вѣса, а въ силу этого и укороченію. Мы не будемъ приводить здѣсь другихъ предосторожностей, которыми охраняется отъ измѣненій этотъ платино-иридовый образецъ. Но изъ сего уже можно видѣть, что на сохраненіе только этого одного тѣла въ неизмѣняющемся видѣ физики потратили массу работы, которую продолжаютъ ежедневно затрачивать и служащіе „бюро“. Такимъ образомъ, масштабъ этотъ, помимо его громаднаго практическаго значенія для измѣренія, являетъ собою точнѣйшее доказательство измѣняемости всѣхъ тѣлъ. Ибо, если результатъ всѣхъ усилій науки дать неизмѣняющееся тѣло воплощенъ въ парижскомъ метропрототипѣ, который могъ бы быть измѣненъ во всѣхъ его свойствахъ, если бы люди захотѣли его сломать, расплавить, опустивъ въ царскую водку, то до очевидности ясно, что въ мірѣ вообще мы не можемъ найти продолжительно неизмѣняющихся тѣлъ. Но, несмотря на громадную работу, затраченную физиками и химиками на изготовленіе этого основного масштаба, несмотря на то, что послѣдній можетъ считаться лишь относительно неизмѣняющимся тѣломъ, все-таки среди изслѣдователей этихъ областей еще широко распространенъ взглядъ, что есть абсолютно неизмѣняющіяся тѣла, равно какъ и то, что всѣ измѣняющіяся тѣла собственно состоятъ изъ подобныхъ абсолютно неизмѣняющихся элементовъ. Въ опытѣ однако, какъ сказано, мы не находимъ такихъ тѣлъ, мы можемъ конструировать ихъ мысленно, можемъ выставить предположеніе, что они существуютъ, и выразить надежду, что когда-нибудь они будутъ открыты. Подобныя мысленныя конструкціи въ ходѣ развитія физиче-

скаго изслѣдованія принимали различныя формы. Частицы теплорода, электрическихъ жидкостей, частицы свѣта (какъ ихъ понималъ Ньютонъ) были такими неизмѣняющимися тѣлами, до которыхъ теперь никому нѣтъ дѣла. Зато теперь вѣрятъ въ существованіе молекулъ, атомовъ, іоновъ, а самое послѣднее время—въ электроны[1]), при чемъ, прежде всего, различаютъ эти роды неизмѣняемаго по ихъ величинѣ.

Но для чего теперь нужны физикѣ эти мысленно конструированныя неизмѣняющіяся тѣла? Путемъ различнаго расположенія и различныхъ формъ движенія этихъ тѣлъ, она хочетъ дать изображеніе измѣненій дѣйствительныхъ (измѣняющихся) тѣлъ.

Цѣль физики, такимъ образомъ, изобразить измѣненія находимыхъ въ опытѣ дѣйствительныхъ тѣлъ. Такъ, она хочетъ показать, какъ измѣняется взаимное положеніе тѣлъ, какая (напр., при смѣшеніи тѣлъ) существуетъ зависимость между измѣненіями ихъ температуры, какія новыя тѣла получаются путемъ химическаго соединенія или разложенія ранѣе извѣстныхъ тѣлъ и т. д. Названныя выше тѣла при этомъ служатъ лишь вспомогательнымъ средствомъ изобразить указанныя измѣненія. Однако, когда вспоминаютъ о судьбѣ многихъ преданныхъ забвенію неизмѣняющихся тѣлъ и видятъ скудные результаты по изображенію съ помощью ихъ картины явленій,

---

[1]) Въ этомъ отношеніи интересны взгляды извѣстнаго физика Августа Риги, который, принявъ электроны за „неизмѣняющееся“ тѣло, сводитъ къ нему матерію, полагая, что „матерія построена изъ электроновъ, подобно тому, какъ зданіе изъ кирпичей“. См. А. Риги „Современная теорія физическихъ явленій“ (русск. перев. главу VII „Электроны и строеніе матеріи“, стр. 113—115). *Примѣчаніе переводчика.*

когда далѣе принимаютъ во вниманіе то обстоятельство, что какъ разъ тѣ отдѣлы физики, которые не прибѣгали къ помощи неизмѣняющихся тѣлъ, сдѣлали наибольшій успѣхъ и считаются наиболѣе обоснованными, то невольно становится вопросъ: а не можетъ ли физика выполнить свои задачи, изобразить дѣйствительныя тѣла, не прибѣгая къ существованію абсолютно неизмѣняющагося? Что въ физикѣ возможна, а потому и необходима эллиминація всего абсолютнаго, это видно по произведенной Эрнстомъ Махомъ обширной работѣ критическаго изслѣдованія всей физики. Ясная постановка этого вопроса, въ дѣйствительности, и есть тотъ важный шагъ, который сдѣланъ Махомъ вообще по пути очищенія науки отъ всякой метафизики. Изслѣдованія Маха опубликованы частью въ формѣ историко-критическихъ изложеній, частью въ видѣ отдѣльныхъ монографій, онъ не далъ систематическаго изложенія основныхъ принциповъ физики, исходящей изъ положенія измѣняемости тѣлъ. Но подобному изложенію должно предшествовать, хотя бы въ краткихъ чертахъ, разрѣшеніе двухъ слѣдующихъ вопросовъ: Что такое дѣйствительное тѣло, если оно не состоитъ изъ неизмѣняющихся элементовъ, и въ чемъ заключается неизмѣняемость, когда она не относится къ тѣлу?

II. О непосредственно-данномъ.

Глубокая пропасть раздѣляла до сихъ поръ физическое изслѣдованіе [1]) отъ психологическаго.

[1]) Подъ физической наукой мы понимаемъ физику въ широкомъ смыслѣ слова, включая сюда, слѣдовательно, химію и астрономію.

Постоянному тѣлу физики психологи противопоставляли въ качествѣ исходнаго пункта изслѣдованія—ощущенія и чувства людей. Они говорили съ полнымъ правомъ, что ощущенія и чувства людей даны непосредственно, что нельзя сомнѣваться въ ихъ существованіи, что къ нимъ вообще не примѣнимъ критерій ложности или правильности, такъ какъ ощущенія и есть то основное надежное, что извѣстно человѣку. Поэтому, во всякомъ случаѣ, нужно отдѣлять ощущенія и чувства людей, какъ нѣчто непосредственно данное, отъ связанныхъ съ ними теорій и толкованій. Теоріи и толкованія могутъ быть ложными, но отнюдь не ощущенія и чувства, какъ таковыя [1]).

И психологія съ полнымъ правомъ прибавляетъ: эти непосредственно-данныя ощущенія и чувства и есть то наиболѣе извѣстное, наиболѣе достовѣрное, что не нуждается въ дальнѣйшихъ поясне-

---

[1]) Я вижу, напримѣръ, на извѣстномъ разстояніи стоящаго въ саду человѣка, но когда я подхожу ближе, оказывается, что я „ошибся“, тамъ нѣтъ никакого человѣка, это просто засохшій пень. Въ чемъ же „я ошибся“? Что же я видѣлъ въ дѣйствительности? Коричневое пятно извѣстной формы. Это было дѣйствительно наблюденіе, которое можно повторить, возвратясь на старое мѣсто. Такимъ образомъ, дѣйствительнымъ было наблюденіе извѣстнаго комплекса ощущеній. Но что тогда правильно и что ложно? Ложнымъ оказалось толкованіе, теорія, которую я построилъ на наблюденіи. Въ чемъ заключается это ошибочное толкованіе? Для представленія дѣйствительно даннаго я выбралъ слишкомъ узкое понятіе. Вмѣсто понятія „продолговатое, прямостоящее коричневое пятно“ я взялъ понятіе „человѣкъ“, которое значительно уже и обнимаетъ значительно больше, чѣмъ я констатировалъ, признаковъ, такъ какъ я ожидалъ получить остальные признаки при другихъ условіяхъ. Мое ложное толкованіе, такимъ образомъ, вытекаетъ изъ примѣненія ложнаго понятія. Видѣнное мною коричневое пятно есть нѣчто дѣйствительное, которое не можетъ быть ложнымъ, какъ бы ни понималъ я эту связь по отношенію ея къ другимъ даннымъ дѣйствительности.

ніяхъ. Здѣсь-то и образуется пропасть. Психологъ говоритъ: я знаю только непосредственно-данныя ощущенія и чувства и не знаю, какъ привести ихъ въ связь съ тѣлами. То же говоритъ и физикъ: я знаю только тѣла, которыя въ дальнѣйшемъ распадаются на постоянные, еще не проанализированные элементы, и не знаю, какъ я долженъ ихъ привести въ связь съ ощущеніями и чувствами. Въ этомъ состоитъ кажущійся непереходимымъ дуализмъ: міръ ощущеній и чувствъ—съ одной, міръ тѣлъ — съ другой стороны. Съ обѣихъ сторонъ неоднократно дѣлали попытку перебросить мостъ черезъ пропасть и прійти къ монистическому міропониманію. Но пути, которыми шли къ этой цѣли съ обѣихъ сторонъ, были одинаково абсурдны. На сторонѣ психологовъ — приходили къ „чистому идеализму“ или „солипсизму“ и, настаивая только на непосредственно-данномъ, отрицали существованіе тѣла, „внѣшняго міра“. Со стороны физиковъ продѣлывались подобныя же чудовищныя попытки: здѣсь сводили непосредственно-данныя ощущенія и чувства къ движенію атомовъ или другихъ тѣлъ, т.-е. наиболѣе извѣстное „объясняли“ совсѣмъ неизвѣстнымъ. Если отрѣшиться отъ этихъ одинаково абсурдныхъ путей, пропасть между физическимъ и психическимъ остается открытой. Однако есть способъ перейти эту пропасть и достигнуть истинно-монистическаго пониманія. Этотъ способъ, мы хотѣли бы его назвать открытіемъ міровыхъ элементовъ, подобно другимъ большимъ открытіямъ, сдѣланъ одновременно и независимо другъ отъ друга, со стороны психологовъ — Рихардомъ Авенаріусомъ, со стороны физиковъ — Эрнстомъ Махомъ.

III. Субъектъ и объектъ.

Языкъ полно проводитъ безусловно нужное для обыденнаго употребленія — раздѣленіе субъекта и объекта. Языкъ учитъ насъ различать съ одной стороны — вещи, какъ напримѣръ, „домъ“, „дерево“, „книга“ и т. д., съ другой — „я“, „ты“, „мой дядя“, „господинъ N.“ и т. д. Это „я“, о которомъ говоритъ обыденная рѣчь, заключаетъ въ себѣ два различныхъ „я“, раздѣленіе которыхъ навязывается уже наивному разсмотрѣнію.

Такъ говорятъ о „тѣлѣ и душѣ“, о „вещи и духѣ“ и связываютъ съ этими опредѣленіями сложныя философскія теоріи, которыхъ здѣсь намъ нѣтъ надобности разсматривать. Но въ каждомъ такомъ наивномъ воззрѣніи лежитъ основной элементъ познанія, изъ котораго нужно извлечь ядро, годное для науки. Такъ и здѣсь. Есть два различныхъ „Я“; мы предварительно назовемъ ихъ, какъ „физическое Я“ (тѣло) и „психическое Я“, не связывая съ этими словами никакихъ дальнѣйшихъ теорій. „Физическое Я“ есть такое же тѣло, какъ и всѣ другія тѣла, напр., домъ, дерево и т. д. Когда въ дальнѣйшемъ мы будемъ говорить объ „Я“, мы будемъ имѣть въ виду „психическое Я“.

Итакъ, обычная рѣчь дѣлитъ все на субъектъ и объектъ, на „Я“ и вещи — тѣла. Она различаетъ „свойства вещи“ и „ощущенія“, которое имѣетъ „Я“. Говорятъ — „листъ зеленъ“, но, кромѣ того, „Я имѣю ощущеніе зеленаго“. Вещи и „Я“ разсматриваются изолированными, зеленое связывается, съ одной стороны, съ вещью, съ другой — съ „Я“, значитъ выступаетъ дважды. Это воззрѣніе, какъ сказано, вполнѣ отвѣчаетъ обыденнымъ цѣлямъ. Если же мы хотимъ знать, что̀ есть вещь (тѣло)

и что такое „Я“, тогда мы не должны довольствоваться абстракціями повседневной рѣчи и должны попытаться представить истинную связь вещей. Сложныя и излишнія проблемы философіи изъ того-то и рождаются, что объектомъ изслѣдованія дѣлаютъ абстракцію. Нужно послѣдовать за Махомъ и Авенаріусомъ и разсматривать субъектъ и объектъ въ ихъ дѣйствительной связи,— тогда всѣ эти трудности исчезнутъ.

Содержаніе выраженія „листъ зеленъ“ при точномъ разсмотрѣніи оказывается въ слѣдующемъ: если я, или какой-нибудь другой человѣкъ, смотримъ на листъ — выступаетъ ощущеніе зеленаго. Лучше сказать, часто появляется ощущеніе зеленаго, такъ какъ листъ зеленъ при обычныхъ условіяхъ, при солнечномъ освѣщеніи и при нормальномъ состояніи зрительнаго аппарата; при свѣтѣ пламени натрія онъ коричневый, примемъ сантонинъ — онъ желтъ. Оба выраженія „листъ зеленъ“ и „я имѣю ощущеніе зеленаго“, при внимательномъ разсмотрѣніи сводятся къ слѣдующему дѣйствительному положенію.

Въ различные „Я“, повторно появляется ощущеніе зеленаго. Оно появляется, когда „Я“ и „листъ“ вступаютъ во взаимную связь. Когда я отворачиваюсь, ощущеніе зеленаго пропадаетъ. Зеленъ ли еще листъ? Въ предыдущемъ смыслѣ слова—нѣтъ, но когда я вновь смотрю на него—онъ зеленъ. Про листъ, котораго никто не видѣлъ, мы ничего не знаемъ. Философы, конечно, выставили много теорій, опредѣляющихъ, какъ выглядитъ невидимый листъ, но наука можетъ выполнить свои задачи, не прибѣгая къ знанію незнаемаго. Листъ зеленъ, когда „Я“ и „листъ“, или общѣе, когда субъектъ и объектъ приходятъ во взаимную связь.

Это основное соотношеніе между субъектомъ и объектомъ, о которомъ, вообще говоря, мы только и имѣемъ представленіе, Авенаріусъ называетъ принципіальной координаціей[1]). Когда появляется ощущеніе зеленаго, оно одновременно принадлежитъ и субъекту и объекту. Въ его отношеніи къ субъекту, къ „Я“, мы опредѣляемъ зеленое какъ „ощущеніе“, но чтобы точнѣе показать, что оно одновременно принадлежитъ и объекту, мы называемъ его элементомъ. Такимъ образомъ, элементами являются всѣ ощущенія, о которыхъ говоритъ обыденная рѣчь, значитъ, кратко перечисляя,—цвѣта, формы, тона, теплоты, давленія и т. д.; но, какъ элементы, они не только ощущенія въ обычномъ смыслѣ слова, но одновременно и принадлежатъ объектамъ[2]).

IV. Элементы, какъ исходный пунктъ.

Мы выяснили понятіе элемента, какъ связь между субъектомъ и объектомъ. Теперь мы можемъ понять произведенный Махомъ и Авенаріусомъ переворотъ. Онъ заключается въ передвиженіи перспективъ.

Они не обращаютъ вниманія на обычныя разграниченія субъекта и объекта и дѣлаютъ элементы

---

[1]) См. помѣщенное за статьей Адлера примѣчаніе 1-е.

[2]) Есть элементы, которые точно соотвѣтствуютъ тому, что обычно называется ощущеніемъ, это значитъ—есть элементы, не принадлежащіе тѣлу. Есть случаи, когда нѣтъ тѣла, о которомъ обычная рѣчь говоритъ какъ о „зеленомъ“, и все-таки въ „Я“ появляется элементъ „зеленаго“, напримѣръ, при галлюцинаціяхъ, механическомъ раздраженіи сѣтчатки. Здѣсь не мѣсто разсматривать эти элементы, такъ какъ мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, разсмотрѣніе основныхъ вопросовъ науки о физическихъ тѣлахъ.

исходнымъ пунктомъ изслѣдованія. Такъ какъ непосредственно даннымъ, достовѣрнѣйшимъ и наиболѣе извѣстнымъ являются именно элементы и такъ какъ каждый элементъ, принадлежащій объекту, одновременно принадлежитъ и субъекту, то они задались цѣлью представить міръ субъекта и объекта, выстроеннымъ изъ подобныхъ элементовъ. Усвоеніе этого пункта Махо-Авенаріусовской теоріи—элементы, какъ исходный пунктъ изслѣдованія—отнюдь не легко. Логически разсуждая, можно, конечно, понять эту точку зрѣнія, но чтобы научиться въ дѣйствительности примѣнять ее и чтобы быть защищеннымъ отъ опасности возвращенія къ воззрѣніямъ обычной рѣчи, нужно пережить это расширеніе перспективъ, а для этого, какъ хорошо сказалъ Махъ, необходимъ „процессъ полнаго психологическаго преобразованія“. Но если усвоить эту точку зрѣнія, то вмѣстѣ съ нею является разрѣшеніе различныхъ „міровыхъ загадокъ“, которыя навязываются при изслѣдованіи основныхъ вопросовъ обыденной рѣчью. Въ дальнѣйшемъ, мы попробуемъ намѣтить набросокъ картины міра, вытекающей изъ Махо-Авенаріусовской теоріи, причемъ должны прибавить, что ясное пониманіе различныхъ вопросовъ и деталей можетъ быть найдено только въ ихъ собственныхъ работахъ.

Отправляясь изъ нашей новой точки зрѣнія, мы спрашиваемъ теперь: что такое субъектъ и объектъ („я“ и „тѣло“) въ ихъ отношеніи къ элементамъ?

На это мы отвѣчаемъ: „я“—есть опредѣленная связь элементовъ, которые одновременно принадлежатъ и различнымъ тѣламъ [1]); тѣло есть опредѣ-

[1]) Какъ сказано выше, къ «я» принадлежатъ и такіе элементы, которые не образуютъ никакого тѣла.

ленная связь элементовъ, принадлежащихъ одновременно и различнымъ „я“. Что психическое „я“, называемое Авенаріусомъ свободнымъ отъ вліянія теорій — выраженіемъ „центральный членъ“, есть связь элементовъ, это обычно понимается легче, чѣмъ то же представленіе тѣла, или по, Авенаріусу,— „противочлена“. Въ качествѣ составныхъ частей „я“ мы можемъ открыть только ощущенія и чувства, и если у нѣкоторыхъ философовъ и у Канта появляется еще „Я въ себѣ“, то въ немъ мы видимъ только метафизическій образъ, съ которымъ намъ нечего дѣлать. Точно также обстоитъ дѣло и съ тѣлами. Возьмемъ, напримѣръ, листъ дерева. Онъ зеленъ, имѣетъ опредѣленную видимую форму, опредѣленный запахъ и вкусъ, на ощупь прохладенъ и мягокъ. Въ листѣ могутъ измѣниться его „свойства“ и все-таки въ обыденной жизни мы будемъ говорить о томъ же самомъ листѣ. Такъ листъ можетъ сдѣлаться изъ зеленаго краснымъ, сдѣлаться теплѣе, принять другую форму, измѣнить запахъ. Онъ можетъ потерять еще рядъ свойствъ, сдѣлаться необоняемымъ, невидимымъ, необладающимъ вкусомъ. Отсюда возникаетъ мысль, что можно вообще отнять всѣ его свойства и все-таки кое-что да останется: это то и есть „вещь въ себѣ“. Но „вещь въ себѣ“, подобно „Я въ себѣ“, мы отсылаемъ въ область метафизики, отъ которой разъ навсегда отказалась наука.

Элементы соединены другъ съ другомъ весьма сложнымъ образомъ. Въ этомъ сплетеніи элементовъ мы могли бы назвать вещью каждый пучекъ элементовъ, который характеризуется узловой точкой, но обычно мы называемъ вещью цѣлыя связи элементовъ, въ которыхъ имѣется рядъ такихъ точекъ. Отграниченія, при этомъ нами дѣлаемыя, въ извѣстномъ смыслѣ являются про-

извольными, соотвѣтствуя даннымъ цѣлямъ. Возьмемъ, какъ примѣръ вещи, — монументъ „Люцернскій Левъ“. Со времени созданія его Торвальдсеномъ, онъ, какъ опредѣленная связь элементовъ, принадлежалъ цѣлому множеству людей. „Левъ Люцерна“, слѣдовательно, какъ вещь, является прежде всего громаднымъ пукомъ элементовъ, и такимъ является каждая вещь, какъ цѣлое, которая растетъ, когда вещь дѣлается противочленомъ въ принципіальной координаціи. Связи въ общей совокупности элементовъ, называемыя нами, какъ „я“ (центральнымъ членомъ), испытываютъ опредѣленное развитіе, которое начинается рожденіемъ человѣка и кончается его смертью.

V. Тѣло.

Пучокъ элементовъ „Левъ Люцерна“ показываетъ извѣстную законосообразность своего расположенія. Въ немъ можно выдѣлить извѣстную часть наиболѣе повторяющихся элементовъ или найти такую въ немъ группировку, которая остается постоянной внѣ зависимости отъ связи, изъ которой она взята. Такіе, себѣ постоянные комплексы элементовъ, повторяясь въ порядкѣ послѣдовательности, принадлежатъ одному „я“, выступая же рядомъ — принадлежатъ различнымъ „я“. Тѣло и состоитъ изъ связи такихъ различныхъ повторяющихся комплексовъ элементовъ. Въ обычной жизни съ ея грубыми сравненіями, часто отвлекаются отъ весьма многихъ измѣненій, происходящихъ въ тѣлѣ, и говорятъ объ одномъ и томъ же тѣлѣ, несмотря на то, что извѣстная часть его элементовъ успѣла уже измѣниться или цѣлые комплексы замѣщены другими. „Мой столъ можетъ быть освѣщенъ то силь-

нѣе, то слабѣе, онъ можетъ быть то теплѣе, то холоднѣе. На немъ можетъ оказаться чернильное пятно. Ножка можетъ быть сломана. Его могутъ поправить, отполировать, замѣнить одну часть другой. И всетаки онъ останется для меня тѣмъ столомъ, на которомъ я каждый день пишу". Обычная жизнь отличается неточностями и даетъ тѣлу одно и то же названіе, когда въ связи его элементовъ остается хотя бы извѣстная относительно большая часть прежнихъ элементовъ. Ранѣе наука также не дефинировала рѣзко понятія тѣла и не обращала вниманія на опредѣленіе тѣла въ его различныхъ значеніяхъ.

Теперь необходимо ясно представлять себѣ, что если въ тѣлѣ опредѣленной связи, изъ опредѣленныхъ элементовъ, произошло измѣненіе въ отдѣльныхъ комплексахъ или въ общей связи, то мы имѣемъ превращеніе его уже въ новое тѣло. Поэтому было бы неправильнымъ говорить объ измѣненіи состоянія тѣла, а къ примѣру: вода превращается въ новое тѣло — ледъ. Здѣсь мы имѣемъ измѣненіе теплоты, формы, цвѣта элементовъ, комплексы элементовъ уже иные, значитъ мы имѣемъ новое тѣло.

Научное изслѣдованіе обычно направляется лишь на извѣстную часть элементовъ, а не на всю связь, которую мы называемъ тѣломъ. Подобное изслѣдованіе не смущается тѣмъ, что, когда оно имѣетъ мѣсто, происходятъ измѣненія тѣла, лишь бы оставалась устойчивой изслѣдуемая часть связи. Задача науки выдѣлить характерную для каждаго рода изслѣдованія часть элементовъ и назвать ихъ особымъ именемъ.

Такъ, для механики не имѣютъ значенія измѣненія свѣта, цвѣта и температуры, она имѣетъ дѣло только съ объемомъ, который дается, какъ связь

тактильныхъ ощущеній. До тѣхъ поръ, пока этотъ объемъ ограниченъ извѣстной поверхностью, предметъ изслѣдованія механики не измѣняется. Измѣненія же, отъ которыхъ отвлекается механика, дѣлаются въ свою очередь предметомъ физическаго изслѣдованія другого рода, напримѣръ, измѣненіе температуры—предметомъ ученія о теплотѣ. Химическое изслѣдованіе, по сравненію съ другими, имѣетъ дѣло съ большей частью связей элементовъ (тѣлъ), но оно также отвлекается отъ извѣстныхъ измѣненій. Такимъ образомъ, нѣтъ ни одного научнаго изслѣдованія, которое имѣло бы объектомъ все дѣйствительное тѣло, каждое изъ нихъ имѣетъ дѣло лишь съ частью его, съ абстракціей. Совершенно было бы неправильнымъ называть эту часть абстрактнымъ тѣломъ, напримѣръ, говорить, что предметъ механики есть „осязаемое тѣло“. Наука дѣйствительнаго тѣла, слѣдовательно, есть сумма всѣхъ показаній (высказываній — Aussagen) относительно абстрактнаго тѣла. Если мы вспомнимъ теперь абсолютно неизмѣняющіяся тѣла, изъ которыхъ, какъ всегда полагали физики, состоятъ тѣла дѣйствительности, то намъ станетъ понятнымъ произведенный Махомъ переворотъ въ физикѣ. Мы видимъ, что не тѣло, а наука состоитъ изъ абстракцій. Но когда хотятъ выяснить указаннымъ образомъ понятіе тѣла, часто возникаетъ слѣдующаго рода трудность. Отъ тѣла, какъ думаютъ, можно отнять цвѣтъ, запахъ, вкусъ, теплоту и всетаки останется, какъ его *послѣднее ядро*,—нѣчто *осязаемое*. Это „осязаемое“ есть или то непосредственно дѣйствительное содержаніе „вещи въ себѣ“, въ чемъ, однако, не хотятъ признаться философы, или является источникомъ, изъ котораго черпаетъ свою жизненную силу, этимъ именемъ и называющееся, одно совер-

шенно невѣроятное представленіе *). Для насъ же осязаемое отнюдь не есть какое-то нерастворимое и неразлагаемое, неподвижное ядро, но только совокупность связи элементовъ давленія (осязательныхъ ощущеній). Эта связь осязательныхъ ощущеній относительно болѣе устойчива, чѣмъ связь другихъ ощущеній (элементовъ) другъ съ другомъ и съ осязательными ощущеніями. Для нашей оріентировки эта, относительно наиболѣе устойчивая, связь имѣетъ основное значеніе: мы обыкновенно беремъ осязаемый рядъ за исходный пунктъ наблюденія и располагаемъ около него другіе менѣе устойчивые элементы. Но эта тактильная связь ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признана абсолютно устойчивой. Если расплавлять ледъ и испарять затѣмъ воду, то комплексы элементовъ ощущенія давленія комка льда, воды и пара, совершенно различны. „Осязаемое ядро“ отнюдь не остается всегда идентичнымъ, себѣ самому тожественнымъ, но между различными другъ за другомъ слѣдующими измѣненіями связей элементовъ давленія, существуетъ непрерывность, находящая свое характерное выраженіе въ слѣдующемъ опытномъ законѣ: никакой объемъ, который дается, какъ связь осязательныхъ ощущеній, не можетъ быть сжатъ до величины нуля.

Въ этомъ положеніи и заключается та опытная истина, что обозначается неяснымъ выраженіемъ: „неуничтожаемость матеріи“.

Для нашей оріентировки, какъ уже сказано выше, осязательныя ощущенія имѣютъ особо важное значеніе, и въ этомъ отношеніи наивное воз-

*) Адлеръ имѣетъ въ виду сторонниковъ «жизненной силы», къ которой дѣйствительно, какъ къ «вещи въ себѣ» живого существа въ той или иной формѣ, прибѣгаютъ виталисты, при объясненіи явленій «жизни». Н. В.

зрѣніе разсуждаетъ правильно. Но мы должны остерегаться переоцѣнки значенія этихъ ощущеній, такъ какъ въ смыслѣ непосредственной данности всѣ роды элементовъ одинаково равноцѣнны. Съ уразумѣніемъ того, что осязательныя ощущенія даютъ только объемы, а не какія-либо другія величины (ни массу, ни тепловую емкость и т. д.), устраняются тѣ трудности, которыя могли бы быть найдены въ понятіи тѣла въ духѣ Маховскихъ указаній.

VI. Законы измѣненія тѣлъ.

Представляя тѣло, какъ связь элементовъ, говоримъ ли мы этимъ все, что о немъ можно сказать? Конечно нѣтъ, отвѣтитъ наивное познаніе, и Маховское воззрѣніе оправдываетъ такой отвѣтъ.

Дѣйствительно: одинаковы ли вообще два тѣла, которые состоятъ изъ одинаковыхъ связей элементовъ? Въ чемъ заключается ихъ различіе, если тѣло есть только комплексъ элементовъ?

Предо мною рядъ монетъ, имѣющихъ одинаковую чеканку (форму), одинаковый цвѣтъ (серебряный блескъ), одинаковую твердость, вѣсъ, короче — одинаковыхъ, какъ комплексы элементовъ. И всетаки я могу предложить вопросъ: настоящія ли эти монеты; это значитъ, я хочу предложить вопросъ, чѣмъ онѣ различаются. Я бросаю каждую монету или по одинаковому отломку ея въ пробирную чашечку, въ которой разведена соляная кислота. Монеты растворяются; это значитъ, образовалось новое тѣло. Каждое новое тѣло я вновь соединяю съ другимъ тѣломъ (растворомъ поваренной соли); это даетъ твердое, бѣлое тѣло, которое я называю хлористымъ серебромъ.

Если всѣ пробирныя чашечки содержатъ въ одинаковомъ количествѣ это бѣлое тѣло, то значитъ, всѣ монеты были одинаковы, и я могу назвать ихъ однимъ и тѣмъ же именемъ, къ примѣру — „настоящимъ талеромъ“. Если же въ одной изъ чашечекъ совсѣмъ не будетъ хлористаго серебра или окажется мало, то первоначальному тѣлу я даю другое названіе. Такимъ образомъ мы узнаемъ, что тѣла одинаковыя, какъ связи элементовъ, различаются еще по законамъ превращенія ихъ въ другія тѣла. Этотъ случай имѣетъ мѣсто уже при простѣйшемъ измѣненіи — при дѣленіи. Если при этой операціи, изъ тѣлъ, одинаковыхъ, какъ комплексы элементовъ, появляются новыя, другъ отъ друга различающіяся, то первоначальныя тѣла получаютъ различныя названія.

Два тѣла, одинаковыя, какъ связи элементовъ, будутъ носить различныя названія, если тѣла, въ которыя они превращаются при равныхъ условіяхъ различны. Отсюда видимъ, что мы ищемъ не таинственное „нѣчто“ (geheimnisvolles „Etwas“), скрывающееся въ тѣлѣ, а только законы превращенія однихъ тѣлъ въ другія. Изображеніе законовъ движенія (осязаемыхъ) тѣлъ заключается въ установленіи опредѣленныхъ постоянныхъ величинъ отношенія ускореній. Эти постоянныя величины отношенія называются массами. Къ такимъ же постояннымъ отношеніямъ мы приходимъ и въ другихъ областяхъ, напр., къ отношенію между измѣненіями температуры и тепловой емкостью. Всѣ эти разнообразныя величины отношеній было бы подходяще объединить общимъ названіемъ емкостей (Kapazitäten *). Цѣль физики въ томъ и состоитъ, чтобъ найти подобныя, при всѣхъ слу-

*) См. помѣщенное за статьей примѣчаніе II-е.

чаяхъ, остающіяся постоянныя отношенія. Въ механикѣ эта задача выполнена Ньютоновымъ ученіемъ и установленіемъ понятія массы, въ другихъ областяхъ она еще ждетъ своего разрѣшенія. И несмотря на то, что эта цѣль еще не достигнута, не кажется удивительнымъ, что инстинктивно были отмѣчены общіе признаки всѣхъ емкостей и обозначены именемъ „матеріи“. Подъ матеріей, такимъ образомъ, мы разумѣемъ общую совокупность опредѣленныхъ емкостей, чтобы понять существующую между ними связь. Матерія, слѣдовательно, не есть нѣчто, „что содержится“ въ тѣлѣ; она заключается въ характерныхъ для измѣненія тѣла величинахъ, которыя вытекаютъ изъ наблюденныхъ отношеній. Изъ осязательныхъ ощущеній устанавливается только объемъ; если бы захотѣли узнать массу, то должны были бы наблюдать ускореніе; а чтобы узнать тепловую емкость—наблюдать измѣренія температуры. Кромѣ указаннаго—всякое иное познаніе матеріи исключено. Отсюда мы видимъ, что указываемое отношеніе между тѣлами и матеріей какъ разъ прямо противоположно тому, что было принято ранѣе. Думали, что гипотезу о матеріи нужно сдѣлать исходнымъ пунктомъ изслѣдованія и, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, наконецъ, попасть на такой путь, который ведетъ къ уразумѣнію дѣйствительнаго тѣла. Махъ показалъ, что мы полностью познаемъ дѣйствительныя тѣла и что выясненіе матеріи есть цѣль, которой завершается изслѣдованіе. Этотъ переворотъ—тѣло, какъ исходный пунктъ, матерія, какъ цѣль,—для физики и химіи имѣетъ то же значеніе, что переворотъ Коперника для астрономіи. Цѣль выясненія матеріи, къ которой стремится физика, не не въ томъ, чтобы представить ее какимъ-либо

родомъ неизмѣняющихся тѣлъ, но выраженіемъ опредѣленныхъ законовъ природы. Отысканіе этихъ законовъ есть все, чего можетъ достигнуть наука, но это и все, что необходимо знать. Въ нихъ мы находимъ, что остается неизмѣняющимся въ нашей картинѣ міра. Съ каждымъ добытымъ новымъ закономъ, наша картина міра выигрываетъ въ устойчивости.

Первая ступень всякаго физическаго познанія всегда заключалась въ утвержденіи, что будто бы открыто неизмѣняющееся тѣло. Новыя открытія въ области электрическихъ лучей многихъ физиковъ опять склонили къ надеждѣ, что электронъ наконецъ-то и есть дѣйствительно открытое неизмѣняющееся тѣло. Но мы имѣемъ право предполагать, что примитивное пониманіе неизмѣняющагося электрона смѣнится законами электрическаго излученія, подобно тому, какъ то, что мы знали изъ ученія объ электричествѣ, развилось отъ примитивнаго воззрѣнія на электрическую жидкость до законовъ электрическаго поля.

Съ постояннымъ появленіемъ и исчезновеніемъ различныхъ неизмѣняющихся тѣлъ, все-таки еще сохранилась прямая вѣра, что есть неизмѣняющіяся тѣла. Эти неизмѣняющіяся тѣла кажутся придающими системамъ прочный устойчивый фундаментъ. Въ воззрѣніи Маха неизмѣняющееся также нашло свое мѣсто, но оно заключается не въ тѣлахъ, которыхъ мы никогда не видѣли, а въ законахъ природы, которые мы познаемъ во все болѣе растущемъ объемѣ.

При старомъ воззрѣніи отправный пунктъ науки совпадалъ съ неподвижнымъ, устойчивымъ, субстанціальнымъ въ міровой картинѣ. Махъ показалъ, что отъ этого нужно отдѣлаться. Исходный пунктъ знанія есть измѣняющееся—

элементы; ихъ увѣнчаніе—неподвижное, устойчивое—законы природы.

VII. Физика и психологія.

Намъ извѣстны лишь одного рода элементы, но эти элементы образуютъ два рода связи: съ одной стороны—связь психическую (психическое „я“, центральный членъ), съ другой—связь физическую (вещь, тѣло, противочленъ). Въ дѣйствительности не существуетъ никакого противочлена безъ центральнаго члена, всегда выступаетъ ихъ принципіальная координація. Изслѣдованіе дѣлитъ свою работу такъ, что одни изслѣдователи, психологи, болѣе всего занимаются связью, которую мы называемъ центральнымъ членомъ, тогда какъ другіе—физики, въ широкомъ смыслѣ этого слова, занимаются противочленомъ, поскольку онъ является тѣломъ. Центральный членъ состоитъ изъ элементовъ, которые, съ другой стороны, относя ихъ къ противочлену, образуютъ тѣла. Когда эта связь дѣлается объектомъ психологіи, элементы должны быть изслѣдованы во всѣхъ ихъ связяхъ. Если же мы введемъ себя въ заблужденіе и границы работы сдѣлаемъ границами дѣйствительности, то мы попадемъ въ разсадникъ метафизики, говорящей о „психикѣ самой по себѣ“, „душѣ въ себѣ“, „я въ себѣ“.

Заслуга Авенаріуса заключается въ указаніи, что психологія имѣетъ всеобъемлющій предметъ и что она только тогда поднимется на высоту, когда будетъ разсматривать міровые элементы во всѣхъ ихъ связяхъ.

Съ другой стороны, при физическомъ изслѣдованіи, имѣющемъ объектомъ противочленъ, тѣло,

никогда не нужно вырывать элементы изъ принципіальной координаціи и не забывать того, что тѣла состоятъ изъ элементовъ, принадлежащихъ одновременно и центральному члену. При изслѣдованіи физическаго не нужно забывать психическое, иначе мы будемъ имѣть дѣло съ „матеріей въ себѣ“, съ „энергіей въ себѣ“, съ „вещью въ себѣ“. Въ этомъ указаніи заслуга Маха.

Преслѣдуя опредѣленныя спеціальныя проблемы, можно на время заняться только опредѣленными зависимостями, но въ то же время не нужно загораживать пути къ цѣльной общей картинѣ. Эта общая цѣльная картина не будетъ постигнута, если наука сосредоточится только на ощущеніяхъ „я“ или займется сведеніемъ къ неизмѣняющимся тѣламъ, — но задача будетъ выполнена, если изслѣдованіе пойметъ свои цѣли: изображеніе зависимости элементовъ другъ отъ друга.

ПРИМѢЧАНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА.

I. Основное соотношеніе между субъектомъ и объектомъ, выражающееся въ томъ, что въ опытѣ субъектъ и объектъ даются сочетанно, совмѣстно, неразрывно, нераздѣльно и равноцѣнно другъ съ другомъ, Авенаріусъ называетъ принципіальной координаціей (Prinzipial-koordination). Наличность, которую мы называемъ „я“ (а подъ „я“ Авенаріусъ разумѣетъ общую совокупность того, что Адлеръ обозначилъ „физическимъ и психическимъ я“), въ принципіальной координаціи играетъ роль „центральнаго члена“ (Zentralglied), по отношенію къ которому все остальное (составная часть среды, другой человѣкъ и т. д.) является „противочленомъ“ (Gegenglied). Излагая этотъ принципъ коррелятивной совмѣстности субъекта и объекта, который впервые, по Э. Лаасу, былъ выдвинутъ еще Протагоромъ, Ф. Адлеръ въ § VII („Физика и психологія“) дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „in der Wirklichkeit existiert kein Gegenglied ohne Zentralglied, treten immer Prinzipial-koordination“. Это значитъ: въ дѣйствительности не существуетъ противочлена безъ центральнаго члена, не существуетъ объекта безъ субъекта, всегда дана ихъ принципіальная координація. Какъ понимать это положеніе?

Теорія коррелятивной совмѣстности объекта и субъекта принадлежитъ къ сложнѣйшимъ и труднѣйшимъ основнымъ проблемамъ философіи. Стоитъ только пойти

по пути неправильнаго пониманія ея, какъ у насъ, что, по всей вѣроятности, испытывалъ каждый, знакомившійся съ нею, появляется такое чувство, какъ будто мы готовы свалиться въ пропасть.

Въ самомъ дѣлѣ: мы говоримъ, что безъ субъекта нѣтъ объекта или, говоря словами Лааса,—„всякое содержаніе воспріятія существуетъ для воспринимающаго его субъекта; въ свою очередь, всякій субъектъ предполагаетъ воспринятое содержаніе; субъектъ и объектъ—неразрывные близнецы; они существуютъ и исчезаютъ вмѣстѣ“ [1]). Итакъ, безъ субъекта нѣтъ объекта, они существуютъ и исчезаютъ вмѣстѣ; станьте на точку зрѣнія чисто формальнаго развитія этой мысли—и вы должны будете признать, что если объектъ дается вмѣстѣ съ субъектомъ и только съ нимъ, то, съ прекращеніемъ существованія субъекта, долженъ прекратить свое существованіе и объектъ. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ ультрасолипсизму, и къ нему, къ этимъ нелѣпымъ мыслямъ, собственно говоря, и приходитъ Шубертъ-Зольдернъ [2]), несмотря на всѣ тщетныя попытки смягчить свою теорію указаніемъ, что этотъ солипсизмъ имѣетъ только „теоретико-познавательный“, а не метафизическій или, по А. Рилю, не онтологическій характеръ.

Разумѣется, въ словахъ Лааса, передающаго принципы Протагора, нѣтъ подобныхъ мыслей; говоря объ опредѣленіи объекта субъектомъ, онъ имѣетъ въ виду лишь совмѣстность percepium'a и percipiens'a (ibid. стр. 153). Еще менѣе, разумѣется, эти нелѣпыя мысли „теоретико-познавательнаго солипсизма“ можно заподозрѣть въ вышеприведенныхъ словахъ Ф. Адлера. Говоря это, Адлеръ прекрасно знаетъ, что сѣверный полюсъ существуетъ, несмотря на то, что тамъ нѣтъ никакого „центральнаго члена“— человѣческаго индивида.

[1]) Э. Лаасъ. Идеализмъ и позитивизмъ, р. п. стр. 146.

[2]) См. его книгу «Ueber Transcendenz des Objects und Subjects».

Адлеръ знаетъ также, что археоптериксы и ихтіозавры вмѣстѣ съ окружавшей ихъ современной средой существовали до человѣка и, въ этомъ смыслѣ, человѣкъ, какъ субъектъ, отнюдь не опредѣлялъ объекта: объектъ существовалъ раньше. И все-таки субъектъ и объектъ въ опытѣ даются совмѣстно; чтобы понять, въ какомъ это говорится смыслѣ, — необходимо познакомиться съ замѣчаніями по этому вопросу самого Авенаріуса.

Познаніе есть процессъ данности и связи двухъ членовъ — объекта и субъекта. Говоря „опытъ“, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ, что на лицо имѣются оба эти члена: познаваемый объектъ и познающій субъектъ. Поэтому, говоритъ Авенаріусъ, „хотя мы и можемъ мыслить такую среду, въ которой никогда не было человѣческаго индивида, но мы не можемъ мыслить ни одной составной части этой среды или составной части среды вообще, которая не была бы въ то же время противочленомъ; или, что то же, мы никакъ не можемъ отмыслить (wegdenken) самихъ себя (какъ центральнаго члена). Все, что мы можемъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, такъ это — или не обращать на себя вниманія (absehen), или представить себѣ такое время, когда во всемъ свѣтѣ не было еще живыхъ существъ“ („Der Menschliche Weltbegriff“, s. 130). Но ясное дѣло, что какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, мы все равно будемъ на лицо, то какъ сознательно вопрошающіе зрители, то какъ зрители, которые такъ увлеклись зрѣлищемъ, что забыли о себѣ.

Что субъектъ выступаетъ всегда только совмѣстно съ объектомъ, что, слѣдовательно, нѣтъ возможности представить себѣ, какъ субъектъ существуетъ „самъ по себѣ“, неопредѣляемый объектомъ, „неокружаемый“ какой либо средой — „противочленомъ“ — это само собою понятно. Но вышеприведенныя слова Авенаріуса поясняютъ, въ какомъ смыслѣ правильно и обрат-

ное положеніе: объектъ въ опытѣ выступаетъ всегда вмѣстѣ съ субъектомъ и что, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи объ „объектѣ самомъ по себѣ и въ себѣ“. Дѣйствительно,—что такое объектъ самъ по себѣ, т.-е. взятый изъ отношенія его совмѣстности съ субъектомъ, изъ неразрывной связи принципіальной координаціи?

Плехановъ, упорно реставрируя подъ флагомъ марксизма лоскутья трансцендентальнаго идеализма Канта, въ слѣдующемъ видѣ опредѣляетъ отношеніе между „вещами an sich“ (самихъ по себѣ) и субъектомъ: „совокупность вещей въ себѣ“,—которыя, по его заявленію, онъ принимаетъ „вмѣстѣ съ Кантомъ“ совершенно „въ серьезъ“—„дѣйствуя на наши органы чувствъ, вызываетъ въ насъ тѣ или другія ощущенія“. Благодаря дѣйствію на насъ „вещей an sich“, мы узнаемъ нѣкоторыя ихъ свойства,—„а если намъ извѣстны нѣкоторыя свойства вещей самихъ по себѣ, то мы не имѣемъ права называть эти вещи непознаваемыми“ (Н. Бельтовъ. „Критика нашихъ критиковъ“, стр. 169 и 233). Если бы г. Плехановъ былъ болѣе критиченъ въ своемъ отношеніи къ кантовской философіи (а буржуазія, замѣтимъ кстати, по его мнѣнію, „заинтересована въ возрожденіи философіи Канта, потому что она надѣется, что эта философія поможетъ ей усыпить пролетаріатъ“, ibid., стр. 200), то онъ понялъ бы, что объектъ „самъ по себѣ“ „дѣйствующій на органы чувствъ“, это тотъ объектъ, который „производитъ“ это дѣйствіе при нелѣпѣйшемъ условіи—именно, не имѣя рядомъ съ собою субъекта, не входя съ нимъ ни въ какія отношенія. На чьи же органы чувствъ дѣйствуетъ этотъ объектъ „самъ по себѣ“?

Вообще говоря, объектъ „самъ по себѣ“ это вещь, не находящаяся ни въ какомъ соотношеніи съ субъектомъ, это тотъ, по словамъ Авенаріуса, противочленъ, который не есть противочленъ, или, что то

же, тотъ противочленъ, который не имѣетъ центральнаго члена. Съ теоретико-познавательной точки зрѣнія— это въ сто разъ хуже, чѣмъ деревянное желѣзо, ибо какъ можетъ быть „ощущаема“, „воспринимаема“, „мыслима“, „представляема“ среда безъ наличности того, кто является въ качествѣ центральнаго члена въ координаціи, противочленомъ въ которой и есть то самое, что „ощущается“, „воспринимается“, „мыслится“ и „представляется“? Философы, иронизируетъ по этому поводу Адлеръ, конечно создали много теорій, какъ высматриваетъ невидимый листъ, но наука можетъ выполнить свои задачи „ohne das Unwissbare zu wissen“. Наукѣ, дѣйствительно, не нужна „вещь въ себѣ“. Научное мышленіе должно знать, что „объектъ самъ по себѣ“ и „вещь въ себѣ“ это, выражаясь словами Гегеля, — чистое отвлеченіе, которое отнесено за предѣлы субъекта, это вещь, которая не находится въ отношеніи къ субъекту, не воспринимается его органами чувствъ, не осязается, не слышится, не видится и т. д., т.-е. превращается, какъ остроумно говорилъ Беркли, въ какую-то „нелѣпую субстанцію“, про которую даже нельзя сказать „гдѣ же предполагается она существующей“ [1]). Наука безъ всякихъ опасеній можетъ выкинуть понятіе о „вещи въ себѣ“, ибо, поскольку наука опирается на опытъ, она должна помнить, что въ опытѣ съ „вещью въ себѣ“ — мы никогда не встрѣчаемся. Эта нелѣпая субстанція есть просто праздное и вредное измышленіе.

---

[1]) Беркли. „Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія“. Стр. 111.

В. Шулятиковъ, который въ своей книжкѣ „Оправданіе капитализма въ Западно-Европейской философіи“ далъ чудовищную пародію примѣненія соціологическаго метода Маркса къ анализу философіи, конечно, глубокомысленно расшифровалъ „таинственный“ смыслъ формулы принципіальной координаціи („безъ субъекта нѣтъ объекта“)

Какимъ же образомъ тогда вещь въ себѣ можетъ дѣйствовать на наши органы чувствъ, если она на нихъ **не** дѣйствуетъ, ибо предположительно взята, какъ сама по себѣ? Какимъ способомъ, если итти за тѣмъ же г. Плехановымъ, мы можемъ послѣ этого узнавать „нѣкоторыя свойства“ этихъ вещей въ себѣ и дѣлать ихъ такимъ образомъ познаваемыми? Только однимъ способомъ: апеллируя къ **чуду**, что я и отмѣтилъ уже въ своей книжкѣ („Философскія построенія марксизма“); если инымъ лицамъ это указаніе показалось „чрезмѣрнымъ (по отношенію къ Плеханову) полемическимъ пріемомъ“, то я скажу имъ: они еще слишкомъ вѣрятъ въ цѣнность философствованія Плеханова и не видятъ того, что эта вѣра гонитъ ихъ, вслѣдъ за Плехановымъ, въ далекія области схоластики. И прибавлю, что постулированіе **непознаваемой** вещи самой по себѣ и въ себѣ, той „monströse, unerkennbare „Ding an Sich“, welches hinter den Erscheinungen steht“ (Mach. „Erkenntnis und Irrtum“, s. 10), несомнѣнно болѣе глубоко и куда послѣдовательнѣе поверхностныхъ разсужденій Плеханова о **познаваемой** вещи въ себѣ. **Ибо познавать вещь въ себѣ** — это потруднѣе, чѣмъ видѣть собственный затылокъ безъ зеркала. Къ людямъ, которые **начинаютъ** съ вещи **самой по себѣ** и которые, подобно Плеханову, полагаютъ, что признаніе вещи въ себѣ — лучшая гарантія противъ идеализма и солипсизма — цѣликомъ относимо язвительное замѣчаніе Бодлэра:

и показалъ намъ ея **классовое содержаніе**. Безъ субъекта нѣтъ объекта—это значитъ, очень просто поясняетъ т. Шулятиковъ,— „**рабочія руки внѣ мануфактурнаго предпріятія** — масса, **не могущая ничего производить, никакими средствами не располагающая**“ (стр. 56). Съ т. Шулятиковымъ спорить трудно: онъ „какъ пріялъ“, такъ „въ мысляхъ и содержитъ“. Какъ доказать ему, что то, что онъ излагаетъ, **никакого** отношенія къ историческому матеріалистическому анализу не имѣется?

„начинайте, господа, а потомъ уже пользуйтесь логикой и анализомъ!“

II. Итакъ, задача физической науки (какъ и науки вообще) заключается въ установленіи опредѣленныхъ постоянныхъ величинъ отношеній. Постоянныя величины отношенія ускоренія тѣлъ называются массами. Для обычнаго представленія, такое опредѣленіе массы — звучитъ весьма странно. Со времени еще Ньютона подъ массой всегда разумѣли „количество матеріи, находящееся въ тѣлѣ“, масса всегда считалась „вещью, которую слѣдуетъ искать въ объемѣ даннаго тѣла“. Махъ въ своей „Механикѣ“ разъяснилъ, что такое представленіе неправильно. Здѣсь не мѣсто приводить его доказательства, укажемъ лишь, что говоритъ по поводу стараго опредѣленія массы В. Оствальдъ. Въ научной рѣчи слово „масса“ теперь не имѣетъ другого значенія, кромѣ отношенія энергіи движенія. Опредѣленіе же, которое мы встрѣчаемъ даже въ лучшихъ учебникахъ и согласно которому масса есть количество матеріи „ist ein schädlicher Unsinn“ — вредная безсмыслица, такъ какъ этимъ не опредѣляется ни что такое матерія, ни какимъ образомъ можно опредѣлить ея количество. А какъ опредѣлить массу чрезъ ея отношеніе къ ускоренію въ смыслѣ энергіи движенія, читатель найдетъ это въ Оствальдовской „Натуръ-Философіи“ (рус. переводъ подъ редакціей М. М. Филиппова, стр. 121 — 148).

Подобно массѣ, которая „есть емкость или емкая величина“, основныя постоянныя величины отношенія находятся и въ другихъ областяхъ физическаго изслѣдованія. Эти разнообразныя величины отношеній получили общее названіе емкостей, находящихся между собою въ постоянной связи. То, что называютъ „матеріей“, есть лишь общая совокупность этихъ емкостей. Если масса есть емкость энергіи дви-

женія, то въ ученіи объ электричествѣ величиной емкости считается, т. н. количество электричества, въ химической энергіи — количество вещества, въ тепловой энергіи емкостью является энтропія. Всѣ величины емкостей подчинены закону сохраненія и, поясняетъ Оствальдъ, „въ замкнутомъ образованіи могутъ произойти какія угодно измѣненія, т.-е. взаимныя превращенія энергій и емкости этихъ энергій все же не претерпятъ никакихъ измѣненій“. Подробно обо всемъ этомъ — читатель найдетъ у того же Оствальда въ „Натуръ-Философіи“, стр. 188, 206 — 214.